

Виталий Дмитриевич Гладкий

Зверь по имени Кот

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977016

*Гладкий, В. Зверь по имени Кот: роман: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-056858-1*

Аннотация

Его зовут Тит. Это единственное, что он знает о себе точно. Остальное стерто из памяти.

Кто он? Откуда?

У него почти нет шансов ответить на эти вопросы. Ведь тот, кто его преследует, знает: он очень опасен. И вряд ли оставит его в живых...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виталий Гладкий

Зверь по имени Кот

Глава 1

Тинг

По обочине скверно заасфальтированной дороги в сторону уже виднеющегося на горизонте города шел (вернее, брел) худощавый мужчина в изрядно помятой, но чистой хлопчатобумажной робе синего цвета. Серые глаза путника пугали полной неподвижностью: он смотрел, почти не мигая. Его аскетическое лицо казалось совершенно бесстрастным, а движения были замедленными и немного неуклюжими – как у заводной механической куклы. Создавалось впечатление, что если хорошо прислушаться, то можно услышать, как внутри у мужчины поскрипывают несмазанные шарниры.

Мужчина был далеко не стар, но его короткие темно-русые волосы уже окропила седина, а морщины, изрезавшие лоб глубокими бороздами, подсказывали проницательному наблюдателю, что ему довелось много страдать, и что жизненный путь мужчины был извилист и тернист.

Подтверждением этому выводу служили два шрама. Первый (не очень заметный) на правом виске – светлая полоска на фоне волос, будто по виску чиркнули наждачным кругом. И второй – рваный – на лбу. Наверное, хирург, который зашивал рану, был слабо квалифицированным или отнесся к своей работе небрежно.

Мужчина шел, глядя прямо перед собой и совершенно не обращая внимания на редкие машины, проезжающие мимо. Впрочем, их было немного: дорога не основная, практически проселочная, поэтому движение по ней слабое.

Какой-то чересчур сердобольный водитель маршрутного такси решительно притормозил возле мужчины, надеясь, что тот воспользуется оказией, но путник даже не посмотрел в его сторону. Недовольно фыркнув и пробормотав под нос «Блин!..», шофер надавил на педаль газа сильнее, чем следовало, и шины «Газели» прошлифовали асфальт, оставив в знойном воздухе запах горелой резины.

Маршрутка умчалась, и некоторое время шоссе оставалось пустынным, пока на горизонте не появилась милицейская «Лада» девятой модели с мигалками на крыше. Наверное, сидевшим в машине сотрудникам ДПС мужчина показался подозрительным, потому что «девятка» съехала на обочину, преградив путнику дорогу.

– Эй, гражданин, остановитесь! – приказал старший сержант, вылезая из кабины.

Мужчина послушно исполнил приказание. Он стоял перед сержантом едва не навывтяжку: руки по швам, подбородок поднят, а в глазах пустота и безразличие – как у видавшего виды бойца, которому все равно, что наступать, что отступать, лишь бы команда была, на поясе – подсумок с полным боекомплектom, а в вещмешке – сухой паек.

– Предъявите документы! – потребовал сержант.

Похоже, вполне мирный с виду путник вызвал в нем некие, скорее всего неосознанные, опасения, потому что сержант вплотную к нему не подошел и держался насторожено, следя за каждым его движением.

– Документы? – с недоумением переспросил мужчина. – Я не понимаю...

– А что тут непонятного? Паспорт, удостоверение какое-нибудь... на худой конец справка, или что там у вас есть.

Упоминание справки наводило на однозначную мысль: сержант уже почти уверился, что перед ним бывший зэк, который совсем недавно вышел на свободу.

– Нет у меня... ничего нет... – Мужчина виновато потупился.

– То есть, как это – нет?! – возмутился сержант. – Почему – нет?

Впрочем, его возмущение несколько наигранно. Редко кто из законопослушных граждан, проживающих в провинциальном городе, где служил сержант, носил в кармане паспорт или какое-нибудь другое удостоверение личности – чай, не Москва. И это ему было хорошо известно. Но сержант, не будучи новичком в дорожно-постовой службе, привык доверять интуиции. Мужчина был НЕ ТАКОЙ как все.

Его нельзя было назвать бомжем, но и на работягу он не смахивал. Однако крепкие жилистые руки мужчины подсказывали искушенному наблюдателю, что им хорошо знаком физический труд. Этот вывод подтверждала и крепкая, худощавая фигура путника – на его теле нельзя было найти ни единого грамма лишнего жира.

«Точно, бывший зэк...» – совсем уверился в своей правоте сержант и почувствовал себя гораздо раскованней. Он вдруг вырос в собственных глазах до начальственного размера, и в его голосе прорезались нотки барского превосходства, совсем не свойственные менту столь ничтожно низкого звания.

– Ну... не знаю, – тихо ответил мужчина. – Не помню... ничего не помню! – Последнюю фразу он произнес с надрывом.

– Что, и фамилию не помните?!

– И фамилию...

– Гражданин по фамилии Никто, и звать его Никак... – Сержант хищно ухмыльнулся. – Знакомая ситуация...

– Меня зовут... – Мужчина на какой-то миг запнулся, будто сомневаясь, стоит ли раскрывать перед сержантом свое инкогнито; но затем все-таки продолжил: – Меня зовут Тинг.

– Чево?! – удивился сержант. – Ну-ка, повтори.

– Тинг, – не очень уверенно повторил мужчина.

– Это не имя, а кликуха, парень, – недобро оскалился сержант. – Ты мне тут зубы не заговаривай, – перешел он на «ты». – В какой зоне сидел?

– В зоне?.. – На темном, будто высеченном из гранита лице мужчины появилось недовольное выражение. – Что такое зона?

– Слушай, ты!.. – рассердился сержант. – Кончай дуру гнать! Иначе пожалеешь.

– Что там, Серега? – подал голос его напарник, младший сержант, который сидел за рулем.

Нужно было отдать должное младшему сержанту: несмотря на вполне мирный вид мужчины, он не расслабился ни на миг – сидел в салоне «Лады», держа автомат под рукой, чтобы можно было применить оружие в любой момент. Наверное, его совсем недавно приняли в ДПС, а потому он все еще наблюдал окружающий мир в двух тонах – белом и черном. Как и положено по служебной инструкции.

– Наш клиент, – уверенно ответил старший сержант. – Руки на капот! – скомандовал он внезапно затвердевшим голосом и достал пистолет. – Ноги поставь шире! – Сержант подтолкнул Тинга в спину и тот послушно исполнил приказание.

Сержант быстро и сноровисто обыскал Тинга, и на его курносом конопатом лице явственно проступило разочарование – карманы мужчины оказались пусты. В них не было даже клочка бумажки.

– Где взял эти шмотки? – спросил он недовольным голосом.

Недовольство старшего сержанта имело веское основание: время патрулирования подошло к концу, а они с напарником даже не смогли насшибать денежек хотя бы на пару бутылок пива. Сегодня им почему-то попадались одни бомжи, у которых за душой ни гроша.

– Мне дали... – ответил Тинг, хмуря густые брови.

– Кто дал?

– Не знаю...

– Ты опять за свое?! – взвился сержант. – Ну и наглый тип... Все, баста! Надоело! Не хочешь здесь колотиться, в дежурной части тебя поставят на рога. Там ты вспомнишь даже имя своей прабабки. Садись в машину, клиент. Покатаемся.

– Зачем в машину? – Тинг резко развернулся. – Я не хочу в машину!

На его неподвижной физиономии, напоминавшей маску, что-то изменилось. В глазах появились опасные огоньки, черты лица заострились, и оно приобрело хищное выражение. Пораженный такой внезапной метаморфозой, сержант быстро сделал два шага назад и нацелил пистолет прямо в грудь Тинга.

– Но-но, не балуй! – прикрикнул он начальственным тоном. – Иначе получишь свинцовую примочку. Ты арестован. Давай без глупостей. Садись, мне тут недосуг разводить с тобой базар-вокзал.

Мужчина даже не шелохнулся. Набывчившись, он молча смотрел на сержанта нехорошим взглядом, и тот неожиданно почувствовал, как рука с пистолетом начала неметь. Это было странное ощущение. Пальцы вдруг налились свинцовой тяжестью и стали совсем непослушными, а вся рука до плеча словно превратилась в холодный камень.

– Т-ты... Ты это чего?! – воскликнул испуганный сержант, пытаясь разогнуть руку.

Но она не повиновалась мысленным приказам. Мало того, сержанту начало казаться, что если он надавит на нее другой рукой, то кисть с пистолетом отломится.

Неизвестно, чем закончилось бы это наваждение, продлилось оно чуть дольше, но тут мягко скрипнули тормоза, и позади милицейской «девятки» остановился огромный черный джип с тонированными стеклами. Внимание Тинга переключилось на заграничного монстра, и потрясенный до глубины души сержант облегченно вздохнул, ощутив, как кровь прокатилась по замерзшим жилам правой руки горячей животворящей волной.

Из джипа вышли двое – рослые, крепкие парни характерного вида. Этот «вид» за годы «демократизации» России и ее окрестностей уже набил оскомину простым обывателям, а в особенности – бизнесменам. В общем, это были так называемые братки – коротко остриженные головы, свинячьи глазки, груда мышц и минимум интеллекта.

– Слышь, сержант, – сказал один из них (наверное, старший), – отдай нам этого пацана. Он наш.

– Не понял... Что значит – отдай? С какой стати?! – Сержант неизвестно почему вдруг ошетинился.

Видимо, в нем сработал инстинкт хорошего сторожевого пса, который не может позволить волкам хозяйничать в овчарне, вверенной ему под охрану. Что бы там ни говорили, а стражи порядка и бандиты – два полюса одного магнита. Им никогда не сойтись вместе. Даже продажный мент ненавидит тех, у кого он в роли шестерки. А что касается уголовников и прочих нечистых на руку граждан, то те и вовсе презирают «оборотней» в милицейских погонах. Для них такой мент хуже мусора на городской помойке.

– Вот тебе сто баксов – и мы разошлись, – сказал старший из братков барским тоном, достав из кармана портмоне. – И вам морочи меньше, и нам услугу сделаешь.

Лучше бы он не говорил про услугу. Сто долларов в хозяйстве, конечно, пригодятся, да еще как, в особенности человеку, у которого нищенская зарплата, но брезгливые нотки в голосе братка неожиданно разбудили в сержанте чувство собственного достоинства. Человек, вообще, странное и весьма противоречивое существо, в особенности облеченный властью. И когда ему попадает вожжа под хвост, его трудно остановить.

– Гражданин, спрячьте свои деньги, – процедил сквозь зубы сержант, лицо которого пошло красными пятнами от едва сдерживаемого бешенства. – Этот человек задержан до выяснения личности. И он поедет с нами. Садись в машину! – приказал он Тингу.

Пока шел разговор, с Тингом произошла странная метаморфоза. Несколько минут назад он казался совсем лишенный каких бы-то ни было эмоций. Но теперь Тинг неожиданно съежился, подогнул плечи, и в его взгляде появился испуг вперемешку со страданиями. Казалось, еще немного – и он расплчется.

– Сержант, ты делаешь большую ошибку, – с едва уловимой угрозой сказал старший из братков. – Лады, даю двести – и мы разбегаемся, довольные друг другом.

– Нет! – отрезал закусивший удила сержант. – Заводи мотор! – рывкнул он своему подчиненному.

Отложив автомат в сторону, тот послушно исполнил приказание.

Лучше бы он этого не делал. Исполнительность младшего сержанта подвела его в самый неподходящий момент. Старший из братков едва заметно кивнул головой, и тут же выхватил пистолет. Его примеру не замедлил последовать и другой, с виду немного заторможенный малый с большими оттопыренными ушами – как у Чебурашки.

Оба пистолета загрохотали в унисон. Прошитый тремя или четырьмя пулями старший сержант упал, как подкошенный. Его напарнику досталась лишь одна пуля; он даже успел схватить автомат и вывалиться из кабины, но тут же и затих в неудобной позе.

– Классная машинка! – восхитился ушастый, с завистью глядя на пистолет старшего. – Мне бы такую.

– А то... – гордо ответил бандит. – «Вальтер» Р88, 9 миллиметров. Пятнадцать патронов в обойме – это тебе не лобию кушать. Презент. Фрицы подарили.

– Да-а, конечно... – Ушастый сокрушенно вздохнул. – Вы все по заграницам шастаете, а мы тут дерьмо разгребаем.

– Не пыли, пехота. И учи язык. Немой ты за границей на хрен никому не нужен.

– Я учу.

– Знаю, как и где ты учишь. Телки, кабаки, казино, виски... Смотри, если доложат боссу о твоих похождениях, даже я не смогу тебя спасти. Понял, красавец?

– Понял, понял... – пробурчал ушастый. – Учту. Ментов добьем?

– Зачистка обязательна. Займись. И давай пошустрее. Нам нужно смываться. Скоро сюда подъедет фура. Вон, видишь, на горизонте маячит.

Ушастый деловито подошел к лежавшему на асфальте старшему сержанту и выстрелил ему в голову. Затем он обошел «девятку» кругом, чтобы проделать такую же операцию и с его напарником.

Есть такое выражение – родиться в рубашке. Похоже, младший сержант и впрямь был счастливчиком. Пуля из «вальтера» попала ему в предплечье, и потерял он сознание скорее с испугу, нежели от болевого шока. Пока бандиты разговаривали, сержант очнулся, и теперь лишь притворялся мертвым, наблюдая за ними сквозь неплотно сомкнутые веки.

Ему очень хотелось, чтобы о нем забыли; сержант неистово желал слиться с дорогой, стать серым тонким блином, неотличимым от асфальтового покрытия, как это мог делать робот из американского фильма «Терминатор-2». Увы, если его бессмертная душа уже впиталась в битум, спряталась под слоем гравийной подсыпки, то брненное тело по-прежнему лежало на виду, под колесами «девятки».

Когда началась зачистка, он едва не обезумел от ужаса. Смерть легка и практически безболезненна, когда она приходит внезапно. Но если человек видит ее неотвратимое приближение, страшнее муки трудно придумать. В древнегреческих мифах даже олимпийские боги (да что там боги – сам владыка Зевс!) не знали своей судьбы. И это говорит о многом. Такие знание – неподъемный груз для любого мыслящего существа.

Сержант не был героем. По своей природе люди большей частью аморфны и не способны в одночасье стать сильной личностью. Такой вариант может случиться только в одном случае – когда человека загоняют в угол и ему уже нечего терять.

Так случилось и с младшим сержантом. Когда он увидел, как доби́ли его товарища и что смерть в виде лопухого отморозка уже приближается к нему, страх куда-то испарился, и сержант срезал бандита одной короткой очередью. Второй среагировал молниеносно: он выхватил из-за пояса «вальтер», и успел выстрелить за долю секунды перед тем, как свинцовая мясорубка перемолола ему внутренности.

Наверное, старшего из братков когда-то неплохо учили, возможно, в каком-нибудь спецназе. Один-единственный выстрел навскидку нашел свою цель. И опять младшему сержанту повезло – пуля «вальтера» лишь скользнула по черепу, погрузив его в беспамятство.

Пока шла вся эта баталия, Тинг лежал на заднем сиденье «девятки» и его тело сотрясала крупная дрожь. Удивительно, но он упал на сиденье едва бандиты выхватили оружие, хотя и не мог их видеть, так как сидел к ним спиной. Когда все затихло, Тинг осторожно выбрался из машины. Увидев трупы бандитов, он радостно улыбнулся. Но его улыбка была похожа на оскал зверя.

Шум мощного мотора тяжело груженной фуры нарастал; она шла на подъем, и ее еще не было видно. Бросив последний взгляд на разбросанные по дороге тела, Тинг побежал в лесные заросли, подступившие почти к самой дороге. Вскоре о его присутствии в лесном массиве известили неусыпные стражи птичьего сообщества – сороки, которые долго провожали беглеца недовольным стрекотом.

Глава 2

Ксана

На общей кухне, как обычно, стоял гвалт. В свое время в доме находилось общежитие какого-то заводика местной промышленности, который благополучно отдал концы еще в семидесятые годы. Завод ликвидировали, а часть бесквартирных работяг (тогда еще совсем молодых) так и остались доживать свой век в общежитии. В конечном итоге, на каждом из четырех этажей небольшого по размерам одноподъездного дома образовались коммунальные сообщества с единой кухней, туалетом на пять «посадочных» мест и душевой с двумя кабинками плюс пространство размером 3х4 метра с ржавой ванной для постирушек.

Сегодня сцепились тетка Матрена и «мадам» Николенко. Тетке уже стукнуло шестьдесят с хвостиком, но она совсем не походила на старуху и с виду напоминала перезревшее и немного утратившее сочность яблоко, завалившееся под опавшей осенней листвой. Ее толстые румяные щеки действовали на худосочную мадам Николенко словно красная тряпка на быка.

Тетка была низкого роста, плотно сбита и напоминала колобок, а рослая Николенко представляла собой анемичный женский тип с бледной и дряблой кожей, не подверженной загару. По ней можно было изучать строение скелета. Прозвище Мадам она получила за приверженность к «дворянским» манерам (а точнее – за манерность), что не мешало ей вполне квалифицированно и, главное, эффективно, давать отпор тетке Матрене.

Настоящее имя Матрены было Маэнлеста. Ее родители, твердокаменные большевики, таким образом выразили свою фанатическую любовь к теоретикам и практикам социализма Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину. Их совершенно не смущал тот факт, что они всю жизнь стояли в очереди на квартиру, да так и умерли в коммуналке, не дождавшись много раз обещанного коммунистами светлого будущего. (Правда, место на центральном городском кладбище они все же получили бесплатно, так как умерли в самом начале «перестройки». В те времена новые капиталистические веяния до погоста еще не добрались.)

Конечно, в имени Маэнлеста явно слышалось что-то интригующее, иноземное, но для восприятия простого советского человека это был явный перебор – как, например, Виолетта Кривенькая или Джордж Пидкуймуха.

Кто и когда назвал Маэнлесту простым народным именем Матрена, история коммунальной квартиры умалчивает. Но сама тетка претензий на этот счет не предъявляла. Скорее, наоборот: она ненавидела свое настоящее имя. И попрекала родную мать за то, что ее так называли, до самой гробовой доски.

– ...И муж у вас был первостатейной скотиной! – Несмотря на то, что мадам Николенко пылала праведным гневом, обращалась она к тетке Матрене только на «вы», хотя и была моложе ее всего лишь на десять лет. – Мне ли этого не знать... – При этих словах на ее тонких сухих губах зазмеилась ехидная многозначительная улыбка.

– Она помнит моего мужа! – возопила тетка Матрена. – Ах ты!.. – Тут у нее не хватило общепринятых слов и выражений (они были на кухне не одни), и всё остальное (непечатное) она досказала мысленно, беззвучно брызжа слюной. – То-то, я замечала, как он все поглядывал в твою сторону. Извращенец! Нашел на кого зенки пялить – кожа да кости. Красотка... Тьху! – Тетка Матрена плюнула, да так удачно, что ее слюна попала на халат Мадам.

– Еще раз плюнете, получите по тыкве, – с отменной вежливостью сказала мадам Николенко и твердой рукой взялась за ручку тяжелой чугунной сковородки.

– Да будет вам... чертовы бабы! – поспешил вмешаться Симон Симонович Семибаба, или Сим Симыч. – Нету от вас покоя ни днем ни ночью! Чешут языками, как крупной наждач-

ной шкуркой по голой заднице. От ваших ежедневных разборок скоро наступит разжижение мозгов. – С этими словами он решительно встал между женщинами – на всякий случай.

Впрочем, тетка Матрена уже отступила на запасные позиции – поближе к выходу. Она знала, что слова у мадам Николенко никогда не расходятся с делом. Несмотря на свою худосочность, Мадам обладала твердым «нордическим» характером и бесстрашием бойца спецназа.

После вмешательства Сим Семыча перепалка сошла на нет. Лишь тетка Матрена что-то бурчала себе под нос, ковыряясь в посудном шкафу. Что касается мадам Николенко, то она с невозмутимым видом продолжала поджаривать на сковородке молочную колбасу, чтобы накормить своего сожителя Федюню, которого все звали Приблудой.

Он появился неизвестно откуда и уже никто не помнил точно, когда именно. Так случается с приблудным котенком: идешь в магазин за продуктами – коврик перед входной дверью квартиры пуст, а возвращаешься – вот он, красавчик, сидит взъерошенный, весь в репейниках, и так жалобно смотрит, что рука не поднимается взять его за шкурку и выбросить вон из подъезда.

Мадам Николенко, при всем том, имела добрую, сострадательную натуру. Она приютила Федюню, отмыла, придела, накормила, и теперь он с утра до вечера валялся на диване перед включенным телевизором, внимая бесконечным сериалам и разным дурацким шоу. А мадам Николенко работала за двоих и терпеливо сносила капризный характер сожителя. Похоже, Федюнина лень компенсировалась его мужскими достоинствами...

Появление на кухне Ксаны заметил лишь Сим Семыч. Она тенью проскользнула к газовой плите и поставила на огонь старенькую джезву, чтобы сварить кофе. На Ксану не обратила должного внимания даже хлопотавшая возле второй плиты мадам Николенко – словно девушка была пустым местом.

Впрочем, почти так оно и было. В глазах жильцов коммунальной квартиры (особенно женского пола) Ксана находилась на уровне парии¹. Она никогда не вступала в бесконечные кухонные разговоры, а заигрывания мужчин игнорировала. «Здрасте», «До свидания», «Извините...», «Разрешите...» – вот набор слов, которым обычно пользовалась Ксана, общаясь со своими соседями. Тихую и вежливую девушку даже прозвали «монашкой».

Никто не знал, где она работает и на какие шиши существует. Жила и одевалась Ксана скромно, питалась еще скромнее: по утрам кофе с гренками, а вечером – бутерброд с колбасой или сыром и чай. Обедала она, наверное, на работе. Часто моталась по командировкам. Обычно по субботам и воскресеньям Ксана куда-то уезжала – скорее всего, к хахалю; такой вывод сделала тетка Матрена. Так что своим присутствием она не очень надоедала жильцам коммунальной квартиры.

И тем не менее, выглядела она просто здорово: стройная мускулистая фигура, легкая, плавная походка и густые каштановые волосы, которые можно было показывать в рекламе шампуня. Ее несколько бледноватое, но симпатичное лицо всегда было бесстрастным и как бы отрешенным. А серо-стальные глаза смотрели так остро и временами беспощадно, что молодые люди, пытавшиеся завязать с ней знакомство, тут же тушевались.

Наверное, потому за свои двадцать пять лет Ксана так ни разу и не услышала сыгранный для нее свадебный марш Мендельсона. Мало того, у нее не было даже бой-френда, вопреки мнению тетки Матрены. Парням она казалась более неприступной, чем Эверест.

В коммуналке Ксана не была старожилом. Она появилась здесь пять лет назад, когда умерла ее бездетная тетка, дальняя родственница, которая завещала свою комнату племяннице.

¹ *Парии* – «неприкасаемые», одна из низших каст в Южной Индии (тамильск.).

Этот факт неприятно поразил жильцов коммуналки, которые втайне имели виды на добавочную жилплощадь. Все были уверены, что Ивановна (так звали Ксанину тетку) одна как перст. А кое-кто, в частности, тетка Матрена, когда Ивановна заболела неизлечимой болезнью, даже втайне справлялся у ее лечащего врача, сколько она еще протянет, чтобы вовремя подсуесться с документами и найти в мэрии нужного человека, готового за мзду подписать что угодно, даже контракт с самим дьяволом. Все дело заключалось лишь в цене.

Так что первое время отношение к девушке было скорее враждебным, нежели нормальным. Но косые взгляды и попытки затеять ссору, что называется, на ровном месте, Ксану не волновали. Она лишь скромно улыбалась, опускала глаза и уходила в свою комнатушку. Разочарованным женщинам оставалось лишь глухо роптать и часами перебивать ей косточки, придумывая разные небылицы, от чего Ксане было ни холодно ни жарко. Постепенно неприятие новой жилички сошло на нет, и девушка наконец заняла свою нишу в коммунальном общежитии.

– Как жизнь? – доброжелательно поинтересовался Сим Семыч.

– Бьет ключом, – ответила Ксана.

– Хе-хе... – хохотнул Сим Семыч. – Понял. А как насчет замужества?

– Глухо. Кому нужна бедная бесприданница?

– И то верно, – согласился Сим Семыч. – Сейчас девкам подавай богатых женихов. А разве миллионеров на всех напасешься?

– Вот и я об этом. А хотелось бы... – Ксана улыбнулась.

– Хе-хе... – поддержал ее Сим Семыч. – Конечно... Но ты не теряй надежды. Кто ищет, тот всегда найдет.

Сим Семыч был единственным из жильцов коммуналки, с кем Ксана снисходила до разговора. Может потому, что он с первого дня начал относиться к ней по-доброму, почти по-отечески (Сим Семычу стукнуло семьдесят). Он ни на что не претендовал и был своего рода коммунальным арбитром.

Ксана пила кофе не торопясь, мелкими глоточками. Она сидела в креслице возле журнального столика. Напротив находился зеркальный шкаф-купе, и девушка могла наблюдать себя во всех подробностях. Похоже, ей не очень нравилось собственное отражение, потому что она время от времени кривилась, будто в чашке находился не слегка подслащенный ароматный напиток, а горькая полынная настойка.

Из теткинх вещей в комнате осталась лишь большая икона в потемневшем от времени серебряном окладе. При переезде Ксана выбросила все старье, сделала капитальный ремонт и завезла новую мебель – недорогую, но красивую и удобную. Икону Ксана оставила только потому, что она оказалась старинной и, как потом выяснилось, была написана каким-то очень известным мастером.

С Богом у девушки отношения были сложными; ее нельзя было назвать ни верующей, ни атеисткой. Скорее всего, она могла считаться «посторонней» – сторонилась и тех, и других, благоразумно полагая, что в этой жизни нельзя быть до конца уверенным ни в чем. Ксана верила лишь в амулеты и обереги; то есть, можно было причислить ее к язычникам.

Допив кофе, девушка быстро собралась и вышла на улицу. Коммунальная квартира с ее постоянным гвалтом и интригами тяготила Ксану. Оказавшись в тенистом скверике перед домом, она глубоко, всей грудью вдохнула свежий утренний воздух и поспешила на трамвайную остановку.

Трамвай кряхтел, скрипел, стонал, но с упрямством рабочего муравья тащил свою нелегкую ношу – людей, набившихся в его брюхо под самую завязку, – к центральной части города. На очередной остановке Ксану буквально вынесли из трамвая. Но, несмотря на давку, она ухитрилась отомстить карманному вору, который пытался залезть в ее сумочку.

Не показав ни единым движением, что она поняла его замысел, Ксана нащупала острым каблуком туфли сандалию «щипача» и когда трамвай качнуло, с садистским удовольствием перенесла вес своего тела на правую ногу. Каблук пробил тонкое ременное плетение и вонзился в пальцы вора. От сильной и внезапной боли он завопил, словно резаный, но пассажирам было не до его горестей: вагон остановился, и потная, разгоряченная и злая толпа устремилась к выходу.

Оказавшись на платформе, Ксана ехидно подмигнула вору, который глядел на девушку через стекло с ошеломленным видом, все еще кривясь от боли, быстро перебежала дорогу и скрылась с глаз незадачливого «щипача» в переулке. Теперь ей нужно было выполнить ежедневный «ритуал» – проверить, не тянется ли за нею «хвост».

Проверка заняла полчаса. Это занятие было утомительным и казалось пустой тратой времени, но Ксана никогда не позволяла себе расслабляться. Проверочные мероприятия она возвела в ранг ежедневной зарядки, и когда, наконец, все закончилось, Ксана была взмылена, будто и впрямь пробежала солидную дистанцию.

К новому двадцатипятиэтажному дому, радующему глаз красивой отделкой фасада и нестандартным архитектурным решением, Ксана подошла неторопливой походкой человека, которому некуда спешить. Набрав код на цифровой плате электронного замка, она отворила дверь, вошла в просторный вестибюль и вызвала один из лифтов. Двери лифта мягко закрылись с едва слышимым шорохом, кабина вознесла Ксану на несуществующий в проекте двадцать первый этаж, который раньше, в советские времена, назывался чердаком, а ныне, в свете новых капиталистических веяний, – пентхаусом.

Интерьер квартиры, куда вошла Ксана, поражал изысканностью и геометрической правильностью. В комнатах не было ничего лишнего; казалось, что они предназначены для демонстрационного показа на каком-нибудь международном симпозиуме специалистов по квартирному дизайну. Цветовая гамма интерьера не была кричащей, но и не наводила уныние монотонностью. В такой квартире приятно жить и, по идее, все дурные мысли ее хозяйина должны были оставаться за порогом.

Ксана шла к ванной комнате, на ходу сбрасывая одежду. Ей казалось, что она насквозь пропитана запахами коммунальной кухни и торопилась смыть их как можно быстрее.

Она нежилась в мраморном бассейне, заменяющем ванную, добрых полчаса. Зеркальный потолок отображал Афродиту, возлежащую в белоснежной пене, – фигура девушки и впрямь была отменной. Ксана улыбалась своему зеркальному отражению и думала о чем-то приятном, потому что с ее лица не сходило мечтательное выражение.

Приняв ванну, она сварила кофе, сделала несколько бутербродов с паюсной икрой и вышла на балкон, где находились столик и удобные кресла, плетенные из лозы. Балкон был полукруглым и огромным, хоть танцы на нем устраивай. С него открывался изумительный вид на город и окрестности, вплоть до речки и дальних лесов.

Ксане всегда хотелось иметь квартиру на самой верхотуре. И когда подвернулся случай, она купила пентхаус, не задумываясь, хотя он стоил немалых денег.

Утро выдалось теплым, безветренным. Вверху практически был не слышен городской шум, и Ксана наслаждалась созерцанием и неземным покоем, вливающимся в ее душу божественным нектаром.

Из состояния нирваны ее вырвал звонок мобильного телефона. Ксана от неожиданности вздрогнула, дернулась, и бутерброд, который она как раз брала с тарелки, немедленно подтвердил свое правило – упал на пол маслом вниз. «А, чтоб тебя!..» – ругнулась Ксана и быстро схватила мобильник.

Номер, высветившийся на дисплее, был незнаком. Зато мужской голос, прозвучавший в трубке, был известен Ксане давно – уже лет пять или шесть. Он был фальшив насквозь. Мужчину звали Фил.

– Здравствуй, девочка! Как твои дела?

– Наше вам... – ответила Ксана. – До твоего звонка они шли просто прекрасно.

– Хех-хех... – хохотнул Фил. – Шутница... Я люблю хорошие шутки.

– Кто бы в этом сомневался.

– У тебя плохое настроение?

– Что-то вроде того.

– Уж не заболела ли? – в голосе Фила послышались тревожные нотки.

«Заботливый... – раздраженно подумала Ксана. – Вот сволочь!»

– Немного. Но это женские проблемы... так что сильно волноваться не стоит.

– Уф-ф... А я уже грешным делом подумал... – Мужчина вдруг умолк.

– Что ты подумал? – быстро спросила Ксана.

– Не подыскать ли мне кого-нибудь другого...

– Ну и флаг тебе в руки! – резко ответила Ксана. – До свидания!

– погоди! Не заводишься... Что это с тобой? В последнее время ты почему-то стала сильно обидчивой.

– Старею, – отрезала Ксана.

– Ах, девочка, мне бы твои годы...

– А нельзя ли сразу перейти к делу?

– Почему нельзя? Можно. Записывай.

– До сих пор я на память не обижалась. Диктуй, запомню.

Фил назвал несколько цифр и спросил:

– Устраивает?

– Как будто. А там посмотрим.

– Только чур не жадничать! Дело не стоит выеденного яйца.

– Ты всегда так говоришь. Но не всегда получается, как мыслится. И вообще – в чужих руках горящие уголья ладони не обжигают.

– Хех-хех... И то верно. В общем, решим по факту. Ты ж меня знаешь...

– Знаю.

– Веришь?

– Пока верю.

– Вот и ладушки, – бодро ответил Фил, сделав вид, что слово «пока» он не услышал. – Бывай здорова. Жду ответа как соловей лета... хех-хех...

«Нет, ну каков сукин сын! – кипятилась Ксана, приводя себя в порядок. – Опять большую часть денег зажиллил. Это как пить дать. Себе – пенки, а мне – что осталось. Вогнать бы ему пулю в лобешник – и дело с концом...» Подумала так – и тут же прогнала глупую мысль. Фил находил ей работу, – он был посредником – а потому имел право на свой процент. Но его жадность превышала разумные пределы, и Ксана, случайно узнав по своим каналам, сколько ей должно было причитаться, производила «разбор полетов».

Обычно их бурные ссоры заканчивались временным перемирием – до следующего «заказа». Наверное, живи они вместе, Ксана выпарапала бы ему глаза. Но Фил и Ксана встречались всего лишь два или три раза – когда начиналось их сотрудничество. С той поры они общались только по телефону, не доверяя свои тайны даже электронным письмам, которые легко перехватить и прочитать. Фил, как и Ксана, был очень осторожным человеком и конспирировался, словно какой-нибудь тайный агент.

Впрочем, его «специальность» посредника между заказчиком и исполнителем «заказа» тянула на срок ничуть не меньший, нежели тот, что мог бы получить не имеющий дипломатического прикрытия резидент какой-нибудь разведки.

Быстро собравшись, она спустилась на лифте в подземный гараж, села в свой новенький «БМВ», и вскоре уже подъезжала к железнодорожному вокзалу. Ксане нравилась ее

двойная жизнь. Ничто так не греет душу и не тешит самолюбие, как шикарный «запасной аэродром». Контраст между коммуналкой и пентхаусом был настолько разителен, что иногда Ксане и впрямь казалось, что у нее есть двойник – хорошо упакованная самодовольная сучка, у которой нет никаких проблем.

Временами девушка даже завидовала своему двойнику, в особенности по вечерам, когда коммунальная кухня напоминала вокзал в час пик, совмещенный с предбанником: женщины стряпали, стирали, мыли посуду и нередко ссорились. Клубы пара, запахи подгоревшего масла и потных тел, кислой капусты и ржавой селедки доставали до печенок. В такие моменты ее душу согревала и успокаивала мысль, что весь этот грязный и вонючий бардак – всего лишь временное неудобство. Которое нужно терпеть ради конспирации.

Эту коммунальную квартиру на первом этаже старого четырехэтажного дома Ксана присмотрела давно. Она имела три выхода: основной – парадное, черный ход и хорошо замаскированный люк в полу ее комнаты, который вел в давно заброшенный подвал; из него можно было выйти на параллельную улицу.

В сталинские времена эта коммунальная квартира была воровским притоном, пока в сорок пятом, сразу после войны, его не накрыли сотрудники НКВД. Кого-то из воров расстреляли, кого отправили в колымские лагеря, большую семью содержателя притона определили на вечное поселение в Среднюю Азию, а коммуналку заселили представителями идейно выдержанного рабочего класса. То есть, комнаты получили в основном члены компартии.

Владелица комнаты, в которой жила Ксана, не была ей теткой. Мало того, они вообще не были родственниками. По приезду в город Ксана некоторое время жила на съемных квартирах, но это оказалось неудобно и небезопасно. Тогда она нашла одного человечка из ЖЭУ, который за хорошие деньги подыскал ей то, что нужно, и оформил все документально. Правда, после этого гешефта на свете он долго не зажился – утоп сердешный.

Несчастный случай, с кем не бывает...

Спрятав, что называется, концы в воду, Ксана затеяла ремонт в своей комнате, и заодно оборудовала несколько тайников в подвале, где хранила оружие и прочее оснащение, нужное в ее «ремесле». А потом прикупила и пентхаус, оформив его уже на свою настоящую фамилию. (В коммуналке Ксана жила по поддельным документам.)

Оставив машину на стоянке за квартал от вокзала, Ксана неторопливо шла по тротуару, стараясь замечать малейшие изменения в окружающей обстановке. Ее мягкая кошачья походка была плавной и одновременно упругой. Для перестраховки она немного изменила внешность – надела парик (светлые прямые волосы до плеч) и темные очки. В таком обличье ее трудно было узнать.

Впрочем, ни друзья, ни хорошие знакомые у Ксаны не водились. Естественно, не считая обитателей коммунальной квартиры. Но вокзал находился на другом конце города, и делать им здесь было нечего.

На подходах к вокзалу сидели и стояли попрошайки. Их было много, не менее десятка. Найдя глазами нужного ей нищего, Ксана подошла к нему, достала из кармана сотенную, вложила в нее клочок бумажки, на котором были написаны цифры, и, наклонившись, чтобы положить купюру в лежавшую перед ним кепку, шепнула:

– Номер 275. Запомнил?

– Премного благодарен, панночка! Спаси тебя Бог! – громко сказал нищий; и добавил, но уже шепотом: – А то как же – 275.

– Я жду в сквере.

С этими словами Ксана пошла дальше. Не доходя до здания вокзала, она свернула в неприметный проулок, зашла в подъезд одного из домов, предназначенных к сносу, и под-

нялась на третий этаж. Там находилось окно, откуда хорошо просматривался и вокзал, и проулок.

Она увидела, как нищий едва не рысью побежал исполнять ее поручение, и недовольно поморщилась: чертов торопыга! Нельзя так «светиться». Не хватало еще, чтобы менты на хвост ему упали. Неровен час, подумают, что Пека (это была кличка попрошайки) что-то слямзил.

Пека вошел в здание вокзала, и время потянулось как резина – секунды казались минутами, а минута длилась почти час. Ксана напряглась, словно пружина, и невольно прикоснулась к дамской сумочке, где лежал ее «походный» ствол – легкий ПСМ.

Наконец в толпе мелькнуло востроносое лицо Пеки, и он уже неторопливо (наверное, до него дошел мысленный посыл Ксаны) направился в сторону проулка, упирающегося в старый неухоженный сквер с фонтаном, который не работал со дня открытия; а это было очень давно, лет тридцать назад. Прищурившись, девушка внимательно и не без волнения следила за Пекой. Но за ним никто не шел, не следил, и когда нищий продефилировал мимо дома, где притаилась Ксана, она быстро спустилась вниз и догнала Пеку уже возле сквера.

Время от времени прикасаясь левой рукой к груди, где у него был потайной внутренний карман, Пека, вытянув тонкую птичью шейку, озадаченно вертел головой, пытаясь высмотреть Ксану. Она неслышно подошла сзади и хлопнула его по плечу. Пека подскочил, словно ужаленный.

– Ой! – Пека беспомощно хлопал длинными рыжими ресницами. – Это вы? Уф-ф...

– Неужто испугался?

– Ну... Тут знаете какие бывают случаи? Молодежь шалит. Намедни моего приятеля едва не до смерти избили. Это у них такие забавы. А позавчера девку одну понасильничали...

– Пека, воспоминания потом, – перебила его Ксана. – Давай посылку.

– И правда, чего это я чешу языком? – Пека засунул грязную руку во внутренний карман своего уродливого пиджака (который был размера на два больше) и достал оттуда пухлый конверт. – Вот...

– Спасибо, Пека, – сказала Ксана и всучила попрошайке стодолларовую бумажку. – Держи. Только эти деньги лично тебе. Не вздумай делиться с Козлодоевым.

Блатной малый по кличке Козлодоев «держал» привокзальных нищих, требуя от них свой процент. У Ксаны не раз чесались руки завалить где-нибудь в темном углу этого уroda, чтобы он не измывался над несчастными. Но, поразмыслив, она лишь тяжело вздыхала: свято место пусто не бывает. Козлодоева заменит какой-нибудь Козолупов и все вернется на круги своя. На всех этих гадов патронов не напасешься.

– Ух ты! – восхитился Пека; он и щупал зеленую бумажку, и мял, и нюхал. – Спасибо вам, Светлана. Эх, теперь заживу! В баньку схожу, бельишко новое куплю...

Ксану он знал под именем Светлана. Пека, в отличие от многих своих «коллег», был честным человеком, поэтому девушка безбоязненно доверяла ему изымать корреспонденцию из автоматических боксов камеры хранения.

Попрощавшись с Пекой, Ксана пошла напрямик через сквер и вскоре уже сидела в салоне своего «бумера». Ей очень хотелось вскрыть конверт немедленно, но она стоически выдержала искушение и вывела машину со стоянки. Первым делом нужно было проверить, нет ли за ней наружного наблюдения.

Ни Фил, ни те, кто стояли над ним, не знали, где она живет. Неизвестна им была и настоящая фамилия Ксаны. Однако девушка подозревала, что им очень хотелось бы это узнать. Правда, Ксана предупредила Фила на сей счет, пригрозив, что в таком случае на их отношениях он смело может поставить крест.

До сих пор Фил держал слово. Но Ксана была уже далеко не наивная девочка и хорошо разбиралась в людях, особенно в поведении мужчин. Человек, власть имущий, не терпит,

если какая-то кукла в его кукольном театре ведет себя независимо, не повинаясь движениям нити кукловода. Поэтому она была уверена, что рано или поздно ее местонахождение попытаются вычислить.

Она слишком много знала...

Ксана каталась по городу добрых полчаса. Но никто не проявлял к ее «бумеру» излишнего любопытства, никто не преследовал, и, успокоившись, она порулила к своему дому.

Поднявшись в пентхаус, она не стала даже разуваться; дрожа от нетерпения (или охотничьего азарта, если точнее), Ксана вскрыла конверт и высыпала его содержимое на журнальный столик. В конверте находились две пачки долларов – десять и пять тысяч, фотография немолодого мужчины и два листка бумаги с печатным текстом.

«Колодин Борис Львович, год рождения – 1954. Адрес... Место работы... Семейное положение... Привязанности и предпочтения... Черты характера... Маршруты движения... Распорядок дня...» и т. д. Ксана работала только по серьезным «заказам» и в обязательном порядке требовала, чтобы ей предоставляли о «клиенте» максимально полную информацию, вплоть до выписки из медицинской карточки и психологического портрета.

Но в данный момент ее больше заинтересовали цифры и знаки на первом листке: (++)+, 3Н, 55, 30. Ксана с удовлетворением сощурилась, но тут же по ее лицу пробежала тень. Цифра тридцать обозначала сумму гонорара – 30 тысяч долларов. Так и Фил сказал. Это было хорошо, даже отлично. Однако с другой стороны «заказ» был явно не из легких. Тридцать «косых» за здорово живешь ликвидатору не платят. Но и это еще полбеды.

Знаки +++ обозначали, что дело не терпит отлагательства. Это Фил придумал – для конспирации общаться цифрами и знаками. У нее будет только три недели, о чем говорили цифра 3 и буква «Н».

Однако, две пятерки были еще неприятней. Они предписывали убрать «клиента» так, чтобы комар носа не подточил. То есть, симитировать его естественную смерть.

«Бардак! – мысленно выругалась Ксана. – Они что там, совсем офигели?! Или думают, что я ангел смерти и могу замочить клиента на расстоянии силой мысли. Ведь у него есть и телохранители, и вооруженные охранники на входе в банк, и, наконец, мир, в котором он вращается. Обычно такой мирок находится под бронированной скорлупой. Туда постороннему человеку никак не проникнуть».

Девушка в раздражении сняла туфли – просто отшвырнула их в сторону, затем пошла на кухню, положила фотографию и бумажные листки в металлическую ванночку и сожгла их, а пепел смыла в унитаз. Ей не нужно было хранить эту очень опасную информацию в виде записей – Ксана обладала отменной памятью.

Чтобы успокоиться, Ксана занялась готовкой. В холодильнике нашлась свинина, и она решила поджарить отбивные. Когда Ксана нервничала, ее начинал мучить сильный голод...

Когда на тарелке остался последний кусочек мяса, девушка решительно тряхнула головой и подумала: «Глаза видят и боятся, а руки делают. Если мне дали такой «заказ», значит, мои таланты пока в цене. Значит, меня считают одной из лучших. Что ж, никуда не денешься, придется покрутиться... Дело стоит того».

Глава 3

Кот

Бездомная кошка, прячась в высокой траве, осторожно кралась между многоэтажными домами. Она уже неделю искала подходящее место, чтобы родить своих малышей, которые шевелились у нее под сердцем. Но дома, глядевшие пустыми глазницами выбитых окон на безмолвную, давно умершую улицу, не могли служить безопасным укрытием для ее детенышей.

От домов веяло бедой и черным злом. Зло было невидимо, неосяземо, и притворялось совсем не страшным, но вибриссы² Кошки топорщились, как иголки дикобраза, и казалось, что еще немного и между ними начнут проскакивать электрические разряды. Время от времени Кошка нервно вздрагивала и щелкала зубами – будто котят уже родились, стали взрослыми, и она вела их на охоту. Обычно щелканьем зубов Кошка обращала внимание игривых и беззаботных малышей на возможную добычу.

Возле одного дома ей повстречался черный запаршивевший кот – такой же бездомный бедолага, как и она. Он посмотрел на нее голодными глазами, нервно облизнулся, и поторопился исчезнуть за кустами, освобождая Кошке дорогу.

Кот даже не попытался поухаживать за Кошкой, потому что она, во-первых, была значительно крупнее него, а во-вторых, готовилась стать матерью. Поэтому ухаживания за одиночавшей беременной кошкой могли закончиться весьма печально – в таком состоянии она временами становилась сущим дьяволом и была способна насмерть загрызть ухажера.

Неожиданно Кошка встрепенулась и застыла. По вибриссам пробежала волна, а на мягких подушечках лап вдруг появились острые когти, словно Кошка приготовилась броситься на добычу.

Перед нею высилась рукотворная бетонная Гора. Она находилась еще далеко, и от нее исходило такое же зло, как и от брошенных домов, но оно было ДРУГИМ. Оно не страшило кошку, наоборот – притягивало. Неизвестно отчего кошка вдруг решила, что именно там, внутри этой зловещей с виду Горы, она найдет укромное и безопасное местечко, чтобы родить своих малышей, которые уже начали подавать признаки жизни, двигаясь и толкаясь в ее чреве.

Воодушевленная Кошка, забыв об осторожности, прибавила ход – и чуть было не поплатилась за свою беспечность. Проскакивая сильно заросший дворик, она едва не наступила на толстую жирную гадюку. Свернувшись кольцом, змея лежала на проплешине в траве, под кустом бузины, – отдыхала после успешной охоты, наслаждаясь солнечным теплом.

Кошку спасло от молниеносного укуса гадины лишь то обстоятельство, что змея пребывала в состоянии блаженной нирваны, переваривая двух глупых молодых мышей, забежавших на ее охотничью территорию. Гадюка подняла свою треугольную голову и лениво зашипела. Кошка, несмотря на тяжелый живот, отпрыгнула назад с потрясающей быстротой – словно резиновый мячик от стены.

² Вибриссы – выступающие над поверхностью шерстяного покрова крупные чувствительные волоски; относятся к органам осязания кошки. В. расположены над верхней губой (усы), на подбородке, в области щек, под глазами, на хвосте, на щиколотках, а также между подушечками лап. В. воспринимают мельчайшие изменения окружающей среды, в том числе перемену атмосферного давления; воздушные потоки отражаются от стоящих поблизости предметов и улавливаются В. Это свойство позволяет кошке, независимо от зрения, определять расположение предметов и уклоняться от препятствий, не касаясь их даже в полной темноте. Если кошке обрезать усы, она не сможет ориентироваться и при свете. Такие «эксперименты» могут привести ее к гибели.

На некоторое время и Кошка, и змея превратились в каменные изваяния, обмениваясь лишь пристальными немигающими взглядами. Первой сдалась Кошка. Она нервно щелкнула зубами, и осторожно, по кругу, обошла место лежки гадюки.

Кошка не боялась змей. Мало того, она на них охотилась. Но сейчас ее главной задачей было сберечь потомство. Ведь охота на ядовитых гадов – всегда риск. Однако Кошка заприметила место, где лежала гадюка. На уровне инстинкта ей было известно, что змеи обладают постоянством и любят отдыхать на одних и тех же местах. Когда появятся малыши, Кошке придется много охотиться, чтобы прокормить свое потомство.

А жирная толстая гадюка длиной почти с метр – лакомый кусочек...

Дальнейший путь к бетонной Горе Кошка преодолела без приключений. Если, конечно, не считать приключением встречу с совсем старым барбосом, который уныло брел посреди улицы неизвестно куда и неизвестно зачем. Но ему не было никакого дела до кошки, которую он проводил тоскливым взглядом своих мутных слезящихся глаз.

Наверное, в этот момент пес вспомнил те благословенные времена, когда мертвый город наполнился человеческими голосами, а он был щенком и задира соседских кошек, которые снисходительно отмахивались от него своими мягкими лапами, даже не выпуская когтей. Они понимали, что это всего лишь игра, да и щенок был своим, местным, поэтому кошки прощали ему все его выходки и даже делали вид, что боятся грозного вида маленького барбоса, влезая на деревья.

Чем ближе подходила Кошка к Горе, тем сильнее ощущала какое-то таинственное притяжение. Излучение, исходившее от горы, в ее восприятии было похожим на разноцветные ленты: красная лента – опасная, обжигающая, и ее лучше обойти стороной, хотя она и не грозила моментальной смертью; желтая – согревающая, и даже целительная, но долго под ее влиянием находиться опасно; красное и желтое излучение разделяли зеленые и голубые ленты, успокаивающие натянутые нервы Кошки приятной прохладой свежего ветра, однако они были неярко выраженными и хаотичными.

Но самым желанным для Кошки было фиолетовое излучение. Оно казалось слаще и привлекательнее запаха валерианового корня, так любимого всеми кошками. Фиолетовое излучение проникало под кожу, и мышцы Кошки наполнялись бурлящей энергией. Оно и было тем невидимым магнитом, который тянул Кошку к Горе со страшной силой.

И все же она проявляла осторожность. Древний инстинкт подсказывал ей, что все эти излучения – в том числе и фиолетовое, – исходили из одного источника. Он таился в глубине Горы и представлялся Кошке какой-то черной субстанцией, похожей на огромного спрута.

Этот спрут притворялся неживым, но своим внутренним взором Кошка видела, что его сердце ритмично пульсирует, передавая импульсы толстым щупальцам, а те, в свою очередь, испускают разноцветные излучения.

Прежде чем забраться внутрь Горы, Кошка долго колебалась, спрашивая себя, правильно ли она поступает, но затем зов крови взял свое, и Кошка нырнула в неприметный лаз у самого основания бетонной громады.

Дело в том, что этот путь был хорошо знаком Кошке. Пять лет назад ее беременная мать шла к Горе теми же тропами, что и сама Кошка. Пять кошачьих лет примерно равняются сорока годам жизни человека. Так что Кошка была вполне зрелым животным и практически забыла все, что связывало ее с местом рождением. Однако вибриссы на подушечках лап каким-то образом сохранили эту дорогу в ее генетической памяти, и теперь она вела Кошку в материнское логово как по компасу.

Все эти годы Кошка скиталась в лесах и заброшенных селах в окрестностях Горы. Естественно, она рожала малышей, но они были нежизнеспособными и умирали в раннем возрасте от какой-то неведомой болезни или их съедали дикие звери.

Нельзя сказать, что из-за этого кошку охватывало отчаяние. Отнюдь. Жестокая наука выживания в дикой природе не предполагает сантиментов. Но все равно какой-то осадок оставался.

Все изменилось в одночасье, когда ее очередным партнером стал дикий лесной кот. Этот пятнисто-серый красавец быстро расправился с остальными ухажерами и подчинил себе кошку полностью. Их брачные игры длились дольше обычного, и Кошка впервые в своей жизни покорила необузданному темпераменту дикаря полностью.

Кот был большим, но и Кошка тоже была не маленькой. В свое время, когда в городе жили люди, одна семья завела себе кошку породы рэгдолл³. Ей долго искали пару, а когда нашли, людям стало не до кошачьих проблем – в город пришла БОЛЬШАЯ БЕДА. Все люди покинули город, а элитная кошка породы рэгдолл осталась.

Со временем она одичала, и ее потомство несколько измельчало, потому что местные коты не отличались размерами и солидной родословной. Но все равно немногочисленные потомки кошки-королевы были крупнее котов-аборигенов и нередко возглавляли кошачьи колонии, разбойничающие в брошенных деревьях и окрестных лесах.

Решение идти к Горе пришло к Кошке спонтанно. Ее будто что-то подтолкнуло. Скорее всего, это «что-то» являлось инстинктом продолжения рода. Горечь прежних утрат со временем стала ее преследовать со злобным упрямством, и Кошка своим небольшим умом попыталась понять, почему ее котят не выживают. И в какой-то момент на нее снизошло озарение.

Эта не было разумной мыслью – в человеческом понимании. Это была обычная случайность. Идея идти к Горе, которая вдруг показалась ей защитницей от всех бед (уж неизвестно, почему), чтобы родить там малышей, появилась у нее тогда, когда она в своих бесконечных блужданиях и мытарствах неожиданно очутилась на асфальтированной дороге, ведущей к мертвому городу. Едва ступив на шероховатый асфальт и увидев вдалеке многоэтажные здания, Кошка вдруг поняла, что именно в той стороне находится ее тихий и надежный приют, и что именно там котят ничто не будет угрожать...

Внутренности Горы были набиты искореженным железом, колотым кирпичом и другим хламом. Но здесь не было тех опасностей, которые таил лес и оставленные жителями села; это Кошка определила сразу. И от этого ей стало спокойно и радостно. Она расслабилась и стала искать укромное местечко, чтобы сделать гнездо для малышей. Кошка наконец нашла надежное укрытие. Впрочем, люди тоже называли Гору объектом «Укрытие»...

Кот появился на свет первым. Бедная Кошка совсем измаялась, пока его очень крупное тельце очутилось на подстилке из бумаги. С остальными малышами было гораздо проще, потому что они оказались совсем крошечными. Облизав свое потомство и съев послед, Кошка, пошатываясь от усталости, направилась искать воду.

Она была рядом. Бетонная крыша объекта «Укрытие» со временем прохудилась, и дождевая вода свободно лилась внутрь, скапливаясь в различных углублениях. Кошка долго лакала теплую воду, которую подогревал расположенный в центре Горы неугасимый атомный котел, а когда напилась, то сразу же поспешила к своим малышам.

Кошкин «родильный дом» располагался в небольшой комнатушке. Наверное, здесь когда-то была кладовая завхоза, потому что вдоль стен стояли ржавые стеллажи с различными инструментами, в углу валялись рваные ватники (Кошка использовала клочки ваты для обустройства гнезда), а ближе к выходу стоял однотумбовый письменный стол с оторванной

³ Рэгдолл – большие (весом до 10 кг) кошки с шелковистой и практически не сваливающейся шерстью. Хвост длинный и пушистый, голова клиновидная, с полными щеками. Глаза всегда голубые, выразительные, блестящие, усы обязательно белые. Шерсть полудлинная, цвет шерсти темно-коричневый, шоколадный, голубоватый, лиловый и «морозный».

дверкой. Внутри тумбы Кошка и устроила свое гнездышко, благо там нашлись несколько листов бумаги и кусок мягкой фланели.

Котят родилось всего шестеро. И вскоре Кошку постигла первая печаль – двое из них, самые слабые, не прожили и десяти дней. Кошка в горестном недоумении пыталась растормошить крохотные тельца, обогреть, приласкать, но малыши не подавали признаков жизни. Тогда она осторожно взяла котят зубами, будто они были живыми, и отнесла их вниз, поближе к спруту, денно и ночью извергающему из своего черного нутра длинные и разноцветные шупальца радиоактивного излучения.

Наверное, в этом ее поступке была какая-то неосознанная жертвенность. Кошка принесла на алтарь черного чудовища своих мертвых малышей, чтобы оно пощадило остальных.

И действительно, спрут словно внял мольбам матери-кошки. Фиолетовый спектр, в котором находился «родильный дом» и который на первых порах немного нервировал Кошку, стал мягче, спокойней, и она вновь почувствовала, что ее начала переполнять энергия.

Остальные четверо котят продолжали развиваться нормально, как и положено по законам природы. По истечению семи дней у них открылись глаза, спустя две недели они начали слышать, а еще через неделю котята стали ходить.

Они много спали и много ели, особенно первенец. Он был гораздо сильнее и развитее других, поэтому самое сладкое и жирное – первое – молоко доставалось ему. Кот бесцеремонно отталкивал двух своих сестер и брата от материнских сосков, и те беспомощно пищали – плакали, дожидаясь, пока он насытится.

Удивительно, но Кошка, наблюдая за этим безобразием, относилась к нахалу очень даже снисходительно. Он буквально впивался в нее, иногда делая ей больно, но эта боль для Кошки, которая нечасто могла насладиться покоем и полной безопасностью, была сладостно-приятной.

В еде недостатка не было. В этот год расплодилось много мышей, и Кошка на охоту тратила совсем мало времени. Ей доводилось встречать и других представителей своего племени, но кошки большей частью были пришлыми, а потому не стремились пойти на контакт. Кошка везде оставляла пахучие метки, и соплеменники торопились побыстрее покинуть ее охотничьи угодья – чтобы не получить хорошую трепку.

Они читали запахи, как человек книгу. Поэтому знали, что Кошка очень крупная и сильная, и у нее есть потомство, которое она будет с яростью защищать.

Попадались ей на охотничьей тропе и гадюки, которых привлекла в город знатная добыча в виде многочисленных мышей. Кошка была сыта, поэтому лишь провожала ползучих гадов внимательным взглядом, время от времени прищелкивая зубами – выпускала таким образом охотничий азарт наружу.

Она смотрела на жирных ленивых гадюк как рачительная хозяйка на кусок колбасы в холодильнике. Кошка знала, что бывают времена, когда мышей ставится меньше, и тогда запас в виде толстых откормленных червяков будет в самый раз (для Кошки все ползающие представлялись червями; только одни были маленькими, другие – большими, одни были совсем безобидными, а других следовало остерегаться).

Нужно сказать, что одичавшая Кошка в вопросе еды совсем не похожа на кошку домашнюю. Бездомная Кошка ела все, что ползало, летало, прыгало, бегало и плавало. В ее меню были земляные черви, кузнечики, птички, птичьи яйца, рыба – как снулая, так и живая, ужи, гадюки, разные мелкие зверьки...

Мало того, на брошенных полях Кошка нередко находила овес, в огородах – петрушку и шалфей, в лесу – другие травы, и набивала ими живот с таким рвением, будто это было

парное мясо. Таким образом в ее организм попадали недостающие витамины и минеральные соли, а некоторые лесные травы были для нее лекарством.

Пока Кошка-мать отсутствовала, маленький Кот начал все чаще и чаще покидать гнездо. Первый опыт общения с внешним миром закончился для него тем, что он упал на пол и сильно ударился. Его внутреннее ухо, управляющее балансом, было еще не совсем развито, поэтому он приземлился не на все четыре лапы, как взрослые коты, а на голову.

Кот некоторое время лежал, хныча от боли и жалуясь – жалобно мяукал, но мать почему-то не спешила его утешить (Кошка в это время охотилась), и тогда он разозлился. Зашипев, малыш несколько раз махнул перед собой лапкой, словно сражаясь с невидимым зверем. А затем, успокоившись, начал обстоятельно исследовать кладовую, которая показала ему просто огромной.

Его недолгие похождения прервала Кошка-мать. На этот раз от ее снисходительности и терпения не осталось и следа. Она сначала шлепнула котенка лапой, а затем, грубо схватив за шкурку, вернула его в гнездо, где уже нетерпеливо попискивали остальные ее дети в предвкушении сытного обеда. Конечно же, этот шлепок был слабым – материнским, но все равно котенку мало не показалось.

Однако самой большой обидой для Кота было то, что Кошка, разозленная его непослушанием, бесцеремонно отшвырнула малыша в сторону, когда он, по своему обыкновению, первым прильнул к ее соскам, оттолкнув сестер и брата. Кот был потрясен таким оборотом событий. Он даже не заплакал. Забившись в угол тумбочки, котенок лишь тихо зашипел, обнажив свои пока маленькие клыки...

Какое-то время Кот был послушен и не делал попыток повторить свой «подвиг». Он лишь подходил в отсутствие Кошки к краю полки и пытался лапой достать далекий пол. Когда это занятие ему надоедало, Кот садился и пристально вглядывался в полумрак. Рассеянный свет, проникающий в небольшое окошко кладовой с выбитыми стеклами, был настолько слаб, что даже кошачье зрение не могло четко обрисовать все предметы.

Второй проступок котенка снова был вызван его повышенной активностью и любознательностью. Этим он очень отличался от сестер и брата, которые большую часть суток сладко спали, тесно прильнув друг к другу. Как известно, кошки – самые ленивые млекопитающие. Они могут спать целый день – по 15–16 часов. Но малыши спали еще и ночью.

И только Кот по какой-то причине бодрствовал почти половину суток. Наверное, причиной того служило излучение. Временами, когда оно становилось особенно сильным, еще совсем короткая шерстка на спине Кота дыбилась, и едва заметные искорки окутывали его словно туманом.

От воздействия радиации котенок начинал потягиваться и усиленно зевать, но не потому, что его вдруг начинало клонить ко сну. Скорее наоборот. Маленькое тельце Кота переполняла энергия, мышцы наливались силой, а кости принимались расти так быстро, что даже похрустывали. Что касается зевков, то это были скорее упражнения для челюстей, которые тоже росли и укреплялись.

Потом, когда излучение ослабевало, наступал спад. Он выражался в том, что котенок вдруг начинал чувствовать большую слабость и на какое-то время становился вялым и даже немного заторможенным. Но это состояние быстро проходило, и Кот снова начинал ощущать исследовательский зуд, сдерживаемый лишь воспоминанием о трепке, которую задала ему Кошка-мать.

Но, как известно, все плохое забывается быстро, и вскоре Кот снова попал в историю, которая на этот раз едва не закончилась для него трагически.

В этот вечер, едва Кошка ушла на охоту, Кот снова занял свой наблюдательный пост. Его глаза с каждым днем становились все более и более зоркими, а слух – изощренней. Котенок еще не мог различать все звуки, которые улавливали его чуткие уши (ну разве что за

исключением некоторых, например, звонкого «блям! блям!» от падающих водяных капель), но шорох, который доносился со стороны порядком истлевших от времени ватников, сразу же заставил Кота насторожиться.

Наверное, можно сказать, что именно в этот момент в нем проснулся инстинкт охотника. Кошка по-прежнему кормила малышей своим молоком. Иногда она приносила с охоты мышь, но оставляла ее у порога кладовой, чтобы съесть чуть позже, после кормления малышей.

Котята, конечно же, видели, ЧТО она ест, но никаких эмоций не проявляли. Даже Кот, который был более развит, чем его сестры и брат, смотрел на еду Кошки-матери достаточно безразлично. Он был сыт (молоко едва не выливалось обратно) – и этим все сказано.

Однако в этот вечер внутри у него проснулся Охотник. Он долго таился в генах Кота, умнея и набираясь сил, и наконец появился на свет, как бабочка из кокона. Хищный зов многочисленных предков малыша заставил кровь побежать быстрее по жилам, а нервные окончания буквально завибрировали. Не колеблясь ни секунды, Кот спрыгнул на пол (на этот раз он приземлился на лапы) и пошел в ту сторону, откуда слышалось шуршание.

В ватниках копошился крысеныш. Что он там искал, трудно было сказать. Скорее всего, крысеныш, как и Кот, не отличался примерным поведением, и, воспользовавшись первым же удобным случаем, сбежал из-под материнской опеки. Крысиное гнездо находилось на нижнем уровне, и маленькой крысе пришлось немало поупражняться, пока она пробиралась среди завалов и поднималась вверх по трещине, которая заканчивалась дырой в полу кладовки.

Увидев крысеныша, Кот озадачено сел и некоторое время наблюдал за ним с интересом. Живое существо, не похожее на сестер и брата, было для Кота открытием.

Крысеныш, тем временем, продолжал заниматься своими делами, не замечая котенка. Он уже был почти взрослым, но еще не научился осторожности, обычно присущей крысиному племени.

Созерцание неизвестного создания Коту надоело быстро. Он сделал несколько неслышных шагов вперед и поддел крысеныша лапкой. Маленькая крыса показалась ему интересной игрушкой.

Крысеныш от неожиданности шарахнулся в сторону, а затем попытался скрыться в уже знакомой ему норе. Но не тут-то было. Путь к бегству преградил котенок. Его лишь раззадорили испуганные метания крысеныша, которые он принял за согласие на веселую живую игру. Кот, выбрав момент, снова цапнул крысеныша лапой. Однако на этот раз как-то так получилось, что он выпустил свои острые коготки, и для маленькой крысы, у которой шкурка была еще нежной и тонкой, этот удар получился весьма болезненным.

Крысеныш запищал от боли и бросился на котенка. Сделав молниеносный укус, он отскочил в сторону, свирепея все больше и больше. Он уже совсем не боялся котенка, который был больше его примерно в два раза. Голодный крысеныш ощутил вкус крови, и она показалась ему такой сладкой и пьянящей, что он совсем потерял голову. Теперь все его импульсы говорили (нет – кричали!) в один голос: «Перед тобой добыча! Возьми ее! Разорви на куски! Съешь теплое мясо и выпей кровь! Сытому быть так хорошо...»

Кот не ожидал столь подлого нападения. Боль от укуса была нешуточной, и он жалобно мяукнул. Нет, котенок не звал Кошку-мать на помощь, он всего лишь среагировал на сильное болезненное ощущение. И когда крысеныш бросился на него снова, котенок храбро принял бой.

Но что мог противопоставить котенок-сосунок молодой крысе, уже наученной убивать? Крысеныш нападал со всех сторон, безжалостно кусая Кота, а он лишь отмахивался передними лапами, не понимая, что главное его оружие – острые зубы. И пусть они еще были молочными, но будь котенок поопытней, молодой крысе тоже пришлось бы несладко.

Постепенно котенок начал терять силы. Его мягкая шубка была в крови от многочисленных ран. Он почти не защищался, и крысеныш уже начал примеряться, чтобы схватить Кота за горло. И тогда бедный малыш издал крик о помощи – тонкий пронзительный писк, который предназначался Кошке-матери.

И Кошка ворвалась в помещение кладовой, настигла молодую крысу одним прыжком и в мгновение ока сломала ей хребет. Но этим дело не закончилось. Обезумевшая Кошка-мать, завидев окровавленного малыша, начала в ярости трепать уже бесчувственное тело молодой крысы, пока оно не превратилось в бесформенный кусок мяса.

Выместив на крысе таким образом злость, она отнесла Кота в гнездо и долго зализывала его раны, не подпуская к своим соскам остальных котят. Кошка берегла молоко для раненного малыша. Но он был настолько обессилен борьбой, что даже не помышлял о еде. И только когда Кот уснул, лежа между передними лапами Кошки, она легла на бок и обрадованные котята наконец приступили к трапезе.

Над Горой всходила утренняя заря...

Глава 4

Тинг

– Дядя, вам плохо?

Детский голос вырвал Тинга из мертвящей пустоты, он тряхнул головой, и его взгляд снова стал живым и осмысленным. Оказалось, что он сидит на окоренной колоде рядом с деревенским колодцем и напротив него стоят двое детишек лет пяти от роду – девочка и мальчик. В руках девочка держала булочку, а мальчик большое красное яблоко.

– Все хорошо... я в норме... – Тинг судорожно сглотнул слюну.

Он не мог оторвать взгляд от булочки. Только теперь Тинг почувствовал зверский голод. Все то время, что он провел, пробираясь лесами и полями неведомо куда, ему не хотелось есть. Уже пошли четвертые сутки после кровавой бойни на шоссе, а Тинг все никак не мог успокоиться. Его не так поразила смерть людей, как взрыв эмоций, сопровождавший это побоище. Фактически никто из убитых не кричал, но в голове Тинга, разогретой как паровой котел, стоял несмолкаемый многоголосый вопль.

Чтобы избавиться от него, Тинг нашел на небольшом болотце бочажок, засунул голову в холодную воду, и держал ее там до тех пор, пока не стал задыхаться. После этой «процедуры», повторенной раз десять, Тингу полегчало, и предсмертные крики под его черепной коробкой стихли, а потом и вовсе пропали.

– Может, вы кушать хотите? – высказала предположение девочка, заметив жадный взгляд Тинга, направленный на булочку.

– Н-нет... То есть, да!

– Возьмите, – просто сказала малышка и протянула булочку Тингу.

Он схватил булочку и сразу же запихнул ее в рот почти целиком. Дети стояли молча и глазели, как он жевал. Наконец и до мальчика что-то дошло; он с сожалением посмотрел на свое яблоко, коротко вздохнул и отдал его Тингу.

– Вот, – серьезно сказал мальчик; похоже, он не отличался многословием.

– Фпафибо, – с набитым ртом поблагодарил детей Тинг.

– Пойдем, Андрейка, – вдруг встревожилась девочка и потянула мальчика за рукав.

Наверное, она только сейчас вспомнила мамин наказ: держаться подальше от чужих, незнакомых людей. Поминутно оглядываясь, дети пошли по улице. Благодарный Тинг слабо помахал им рукой и принялся за яблоко...

Энергия, которую он получил от детских щедрот, закончилась на окраине города. Тинг шел, едва переставляя ноги. Его ноздри трепетали – со всех сторон Тинга окружали запахи еды. Но она была от него так же далеко, как если бы он находился где-нибудь в поле, километрах в десяти от города.

Наконец на него обрушились не мелкие струйки запахов, а целый водопад; Тинг даже пошатнулся. Он стоял возле невзрачного одноэтажного здания, которое некогда было заводской столовой. Теперь на нем светилась вывеска «У Петровича», предполагавшая изменение статуса заведения. Похоже, столовая по мановению руки неизвестного частного Петровича в один миг превратилась в кафе.

Заглянув через окно внутрь, Тинг понял, что так оно и было. Интерьер кафе не блистал новизной. Даже мозаика на одной из стен, изображавшая трудовой процесс в самом разгаре (над чем именно трудились парень и девушка в комбинезонах, Тинг не разглядел), осталась от прежних времен. Только теперь вместо металлического прилавка для раздачи блюд высилась стойка бара (яркая пластмассовая обшивка и никелированные обводы), за которой просматривалась батарея разнокалиберных бутылок в зеркальной витрине. На фоне тусклого

«совкового» интерьера кафе стойка смотрелась как модные, расшитые бисером валенки в парной деревенской бани.

– Тебе чего надуть? – раздался строгий женский голос над ухом.

Тинг отпрянул от окна и обернулся. Сзади стояла дебелая тетка пенсионного возраста с метлой в руках.

– Ходят тут всякие, сорят, а мне убирай... – ворчала она, глядя на Тинга исподлобья.

– Мне бы... работу какую найти, – сказал он жалобно.

– Зачем таким, как ты, работа? Толку с вас... Пьешь?

– Что вы! В рот не беру.

– А чего ж тогда в бомжовской робе ходишь?

– Так я и говорю – работа нужна... хотя бы временная. – Тинг судорожно сглотнул слюну.

– Э, да ты голоден. Поди, есть сильно хочется?

– Да... В общем, да... – признался Тинг. – Сильно проголодался. Я могу сделать любую работу! – заторопился он; Тингу показалось, что тетка хочет уйти. – Хотите, я за вас весь двор вымету?

– Это я и сама сделаю, – строго сказала тетка. – А насчет работы... Ну-ка, иди за мной.

Тинг послушно поплелся следом. Они обогнули здание, и подошли к служебному входу.

– Стой здеси, – приказала тетка. – Я сейчас... – И исчезла за давно не крашеной дверью.

Она вернулась спустя десять минут. Время ее отсутствия Тинг определил абсолютно точно – он считал в уме секунды. Делал он это для того, чтобы как-то отвлечься – возле служебного входа вкусные запахи просто сводили с ума.

– Заходи, – молвила тетка. – Сюда, – она показала на узкий темный коридорчик, который, в конечном итоге, привел их в небольшую комнатку, заставленную сетками с картошкой и прочими овощами.

Там же находился стол, три видавших виды стула, ведро с картофельными очистками и огромная алюминиевая кастрюля с водой, в которой плавало несколько очищенных картошин. В углу комнаты был пристроен эмалированный умывальник, а над ним висело изрядно потускневшее зеркало. К носику бронзового крана какой-то умелец прикрутил медной проволокой тонкий и недлинный резиновый шланг – для того, чтобы можно было без лишних проблем набирать воду в кастрюлю.

В комнате ждала их женщина помоложе, чем тетка, с кухонным ножом в руках. Она критическим взглядом окинула Тинга с головы до ног и не без осуждения сказала, обращаясь к тетке:

– Марь Иванна, и что у тебя за натура? То кошек и собак подбираешь бездомных, то бомжей.

– Никитична, не заводись. Мужик этот не шибко на бомжа похож. Вишь, какой статный да крепкий. Работу он ищет. Хоть какую. Видать, сильно его прижало... Вот ты с ним и поговори. Думаю, что столкнетесь... пока нет Кирюхи.

– Ладно... – Никитична коротко вздохнула и сказала, обращаясь к Тингу: – У нас тут кухонный работник один... м-м... заболел. Нужна подмена... на день-два. Хотя... Кирюха, этот паразит, может и неделю квасить. Если рассчитываешь на зарплату, можешь сразу отчаливать. Но кормить буду. От пуза. Устраивает?

– Да-да, я согласен, – поторопился ответить Тинг. – Что нужно делать?

– Для начала почистишь картошку. Это будет твоим главным занятием. Ну а потом погрузка-разгрузка, подними тяжелое – опусти, принеси – подай.

– Можно начинать?

Никитична заглянула Тингу в глаза, сокрушенно покачала головой, и ответила:

– Можно. Но чуть позже. Вижу, что ты здорово проголодался. Не так ли?

– Т-так...

– Сейчас я покормлю тебя для начала. А то еще свалишься в подсобке с голодухи. Во стыдобщица-то будет, на всю округу. Как считаешь, Марь Иванна?

– Будет, конечно будет. Скажут, что «У Петровича» не только та водка, что во время поминок выставляют на столы, паленая, но и жадность немереная. Человек на кухне с голодухи копыта откинул.

– Марь Иванна, ты говори, да не заговаривайся!

– А разве неправда? Вона скоки прошу зарплату прибавить – и что? А ничего. Шиш с маслом.

– Ты не путай божий дар с яичницей. Мы и так тебя не обижаем. Или неправду говорю?

– Правду, правду, Никитична, – сдала назад тетка. – Это я сегодня не с той ноги встала утром. Иногда на меня находит...

– Ладно, иди... сердобольная ты наша. Мы тут сами разберемся.

Марь Иванна ушла. Никитична обернулась к Тингу.

– Тебя звать-то как?

Он заколебался, но только на миг. Благодаря разговору с милиционером на шоссе, до него наконец дошло, что Тинг – это не имя, а кличка, хотя раньше ему столь простой вывод почему-то в голову не приходил. Назваться Тингом – значит, потерять работу. Бомж все-таки, не какой-нибудь уголовник...

– Андрей, – ответил Тинг; в этот момент он вспомнил имя мальчика, который дал ему яблоко.

– Садись за стол и жди. Я мигом обернусь...

Спустя несколько минут Никитична принесла тарелку наваристого борща, большую эмалированную миску с говяжьими и свиными мослами, полбулки белого хлеба и литровый пакет молока.

– Трескай, – сказала она, нарезаая хлеб. – Когда наешься, принимайся за работу. Картохи нужно начистить полную кастрюлю. В кафе после обеда поминки, людей будет много, так что поспеши. Время не ждет.

Тинг кивнул и жадно схватил ложку. Посмотрев, с какой скоростью временный работник уплетает борщ, Никитична удивленно покрутила головой и вышла из подсобки. Тинг даже не глянул в ее сторону. Он ел, как безумный, с хрустом сокрушая своими по-волчьи крепкими зубами хрящи и сухожилия и обгрызая остатки мяса до самой кости – так, что после него и муравью нечем было поживиться.

Все то время, что он бродил по полям и лесам, Тинг питался чем придется. Удивительно, но он откуда-то знал, какие корешки можно есть, а какие нет, какие грибы съедобные, а какие ядовитые, где можно найти воду, а где водоносные слои залегают на большой глубине, и не выходят на поверхность... Тинг с потрясающей легкостью находил птичьи гнезда и воровал оттуда яйца, хотя ему было жалко птичек, круживших у него над головой с горестным птичьим плачем.

Однажды он поймал голыми руками толстую гадюку, долго смотрел в ее злобные глаза, а затем отпустил. Тинг знал, что все пресмыкающиеся – это мясо, и оно вполне съедобно; но у него не было с собой спичек. А употреблять змею в пищу сырой у него не было никакого желания; Тинг еще не дошел до состояния, когда человек может есть все что угодно и в любом виде.

Покопавшись в своей памяти, напоминающей барахолку, он откопал из каких-то глубин и способ, как можно добывать огонь подручными средствами, не имея спичек и зажигалки. Но делать это не решился. Пока Тинг шел по полям и лесам, над ним часто кружили вертолеты. Именно кружили, в этом Тинг был уверен. Они явно что-то искали. Или кого-то.

Едва заслышав характерный звук вертолетных моторов (он не жаловался ни на слух, ни на зрение), Тинг тут же прятался в кусты, а в поле ложился плашмя и быстро забрасывал себя пучками сорванной травы или другими растениями. Он точно знал, что эти предосторожности отнюдь не лишние. От вертолетов исходила какая-то темная сила, пытающаяся забраться к нему в мозг.

Возможно, это и получилось бы, но те, что сидели в винтокрылых машинах, не могли точно определить его местонахождение. Тинг ощущал их бессильную злобу. Иногда ему даже казалось, что он слышит, как они переговариваются, но тут же Тинг отбрасывал эту невероятную мысль. «Чудится...», – думал он с невольным страхом.

До отвала наевшись, Тинг взялся за работу. После сытной еды его разморило и потянуло в сон, но огромным усилием воли он стряхнул с себя сонное состояние. Вскоре сытая вялость испарилась, и Тинг заработал как машина – быстро и ловко. Судя по тому, как он управлялся с ножом, чистка картошки для него не была в новинку...

Ему не повезло – подсобный рабочий Кирюха чересчур быстро вышел из очередного запоя. Тинг блаженствовал всего три дня и три ночи. Он даже обзавелся собственным углом – заведующая разрешила ему спать в подсобке, на мешках с картофелем.

Тинг составил компанию ночному сторожу деду Микитке. Впрочем, Микитке едва стукнуло шестьдесят, а дедом его звали из-за окладистой бороды с проседью. Микитка причислял себя к монархистам и русским патриотам, и Тинг засыпал под его бесконечные проповеди о национальном самосознании и о проклятых инородцах, которые погубят Россию.

Кирюха явился в седьмом часу утра, когда Тинг заканчивал чистить картошку. Это было его обычным утренним упражнением. Кафе «У Петровича» пользовалось широкой известностью среди жителей микрорайона. Выкупив здание, владелец заведения не стал высоко задирать цены, на чем выиграл значительно больше, нежели хозяева других кафе и баров, у которых рюмка водки стоила как бутылка в магазине.

Все поминальные мероприятия проходили «У Петровича». А они были почти каждый день. (Несмотря на то, что люди стали жить лучше, богаче, смертность не уменьшалась; больно уж достали стариков бандитские девьяностые годы, отобрав у них не только сбережения, но и смысл жизни.) Народ привлекала неплохая, хоть и непритязательная, кухня кафе, умеренные расценки и просторный обеденный зал.

– Ты кто? – тупо спросил Кирюха, глядя на Тинга бычьими глазами.

– Андрей, – скромно ответил Тинг.

Он уже сжился с новым именем и реагировал на зов без задержек.

– Мне по барабану, как тебя зовут. Что ты здесь делаешь?

– Картошку чищу.

– Ты опять не понял. Во тупой... Я хочу сказать, вали отсюда, пока рога тебе не посшибал.

– Вот... начищу полную кастрюлю и уйду.

Тинг сразу понял, кто перед ним, а потому не стал спорить. Он всего лишь намеревался выполнить задание. Эта обязательность была присуща Тингу едва не на генетическом уровне. Он всегда доводил любое начатое мероприятие до конца. (Тинг так думал; в этом он не был уверен на все сто процентов, потому что практически ничего из прежней жизни не помнил.)

– Ну, не говори, что я тебя не предупреждал... – Кирюха быстро шагнул вперед, замахнулся и ударил.

Вернее, попытался ударить. Несмотря на запой, Кирюха был крепким малым, и кулаки у него были чугунными. Он по жизни считался скандалистом и драчуном. Тинг уже знал, что Кирюху в кафе держат лишь потому, что он является родственником заведующей про-

изводством. Это была толстая, рыхлая женщина с громким командным голосом, но добрая душой. Тингу она понравилась.

Тинг перехватил кулак на полпути. Кирюхе показалось, что его правая рука попала в железные тиски. Он охнул от боли и упал на колени; на его глазах показались слезы.

– П-пусти! Т-ты чего, с-с-сука... – прошипел Кирюха сквозь стиснутые губы, пытаясь сохранить остатки мужества.

Тинг стоял над ним и смотрел на Кирюху с какой-то странной – можно даже сказать, зловещей – улыбкой; казалось, что их руки спаяны намертво. Ему вдруг захотелось сломать Кирюхе шею, но тут он вспомнил о заведующей производством, и темный свирепый гад с ядовитыми клыками спрятался где-то в подсознании, шустро уполз, будто его и не было.

– А, вы уже познакомились, – послышался голос от входной двери.

Тинг отпустил руку Кирюхи и обернулся. В подсобку вошла Никитична. В кафе она считалась чем-то вроде палочки-выручалочки: если нужно было, подменяла и поваров, и официантов, а когда Кирюха уходил в запой, то становилась на его место. Никитична была ветераном; она работала еще в те времена, когда кафе было столовой. Ее уважали, ценили и держали как своего рода талисман. Весьма полезный талисман.

– Ты чего это на колени встал? – удивленно спросила она Кирюху.

– Надо было! – огрызнулся тот, поднялся и вышел.

– Понятно... – сказала Никитична и коротко вздохнула. – Будь моя воля, я бы этого прощелыгу и на пушечный выстрел к кафе не подпустила. С ним одна маета, право слово. А вот тебя бы я оставила. Увы...

– Да вы не переживайте. Спасибо вам... за все. Прощайте. Я пойду...

– Погодь! Я сейчас...

Никитична шустро выскочила из подсобки, а когда вернулась минут через пять, то принесла довольно объемистый пакет.

– Держи, тут еда... – Она отдала пакет Тингу. – А это на первое время... пока не найдешь работу. – С этими словами Никитична, несмотря на слабое сопротивление Тинга, засунула в нагрудный карман рубы несколько купюр. – Бери, бери, это наши девочки собрали. Материальная помощь. От чистого сердца.

– Не знаю, как вас и благодарить...

– Пустое, – отмахнулась Никитична. – Мы же люди, а не какое-нибудь зверье. Ты главное определись, как жить дальше будешь. По-моему, человек ты не простой – нет-нет, я не буду расспрашивать! – и уж точно не по своей воле оказался в роли бомжа. Я в этом почему-то уверена. В общем, иди, Бог тебе в помощь.

Тинг вышел на улицу и обречено вздохнул. И куда теперь? В кафе было много работы, но он делал все быстро и сноровисто, будто стосковался по физическому труду, хотя к вечеру и здорово уставал. Зато у него была крыша над головой и сытная еда.

От предстоящих проблем, которые нужно решать безотлагательно, у Тинга закружилась голова, и он присел на скамейку в скверике.

– Ты что, заболел? – раздался голос над ухом. – Али пьян?

Тинг медленно повернул голову и увидел Марь Иванну.

– Почему вы так решили?

– На тебе лица нету. И шатаешься.

– Голова болит, – соврал Тинг.

– А... Тогда понятно. У меня как меняется погода, так в виски бьет словно молотом.

И анальгин не спасает. Почему не работаешь?

– Кирюха вышел, – хмуро ответил Тинг.

– Вот паразит! Когда нужно, его неделями нету. И куда ты теперь?

– Не знаю. Буду искать работу.

– Правильно. Молодца. Я подскажу тебе, где можно хорошо устроиться. Ты подойди к центральному рынку, с задней стороны, там всегда народ толчется. Это гаст... гастарбайтеры, – не без труда выговорила слово Марь Иванна. – Но и наших мужиков там хватает. Ты что-нибудь смыслишь в строительных делах?

– Трудно сказать... Скорее нет, чем да.

– Это неважно, – отмахнулась Марь Иванна. – Научат. Парень ты крепкий, выносливый, и труд уважаешь. Тебя запросто возьмут в какую-нибудь бригаду. Мужики хорошие деньги получают. Строят дома и дачи для богатых. И с жильем определишься. Хоть на время.

– Спасибо за идею, – оживился Тинг. – Это вариант. – Он поднялся. – Ну я пойду...

– Одежонка у тебя, конечно, не того... – Марь Иванна окинула его критическим взглядом. – Вот что, Андрюха, ты посиди тут на скамейке чуток, подожди меня. Домой смотаюсь...

С этими словами Марь Иванна бросила метлу и поспешила к пятиэтажке, где у нее была квартира. Возвратилась она почему-то с покрасневшими глазами. В руках Марь Иванна держала большой полиэтиленовый пакет.

– Держи, – сказала она, доставая из пакета джинсы, рубаху, поношенную кожаную куртку и крепкие, почти новые ботинки. – По-моему, размер у тебя как у моего Костика...

– Что вы, Марь Иванна! – запротестовал Тинг. – Не надо. Зачем...

– Бери, коли дают! – рассердилась Марь Иванна. – Костика все равно не вернешь, а тебе нужно иметь приличный вид.

– Что с ним случилось? – осторожно поинтересовался Тинг.

– Война, – коротко ответила Марь Иванна. – Костик погиб в первую чеченскую... Младшенький мой...

Тинг потупился. Ему вдруг стало не по себе, словно это он был виноват в гибели неведомого ему Костика. Марь Иванна посмотрела на него, всхлипнула, резко отвернулась, чтобы Тинг не видел, как из ее глаз хлынули слезы, и, схватив метлу, поторопилась уйти. Он сумрачно проводил ее взглядом, затем собрал разложенные на скамейке вещи в пакет и направился к трамвайной остановке.

Глава 5

Ксана

Господи, хоть бы он не оказался «голубым»! Тогда к нему ни на какой козе не подъедешь. Эта мысль не давала покоя Ксане уже третий день. Все это время она моталась по городу вслед за своим «клиентом» словно привязанная. Господин Колодин был холост, но любовниц не имел (впрочем, и любовников тоже). Что было совсем уж странно – с такими-то деньжищами...

Борис Львович Колодин был банкиром. Притом, не из последних. По крайней мере, так говорилось в полученной Ксаной информации.

Но что касается его личной жизни и увлечений, об этом не было сказано ни слова. Только один пункт: жена умерла шесть лет назад при родах вместе с ребенком. И все. В остальном господин Колодин был похож на допотопный арифмометр: вжик, вжик рукояткой – выскочила цифра; вжик, вжик второй раз – еще одна, гораздо больше; деньги идут к деньгам.

Похоже, что у него не было слабых мест. По крайней мере, на первый взгляд.

Ездил банкир на бронированном «Мерседесе», и всегда в сопровождении второй машины с вооруженной до зубов охраной. Имел пятикомнатную квартиру в престижном доме в центре города, который охранялся как склад атомных боеголовок, потому что в нем проживали очень большие городские шишки. Обедал он в банке (там была столовая для сотрудников), завтракал и ужинал дома. В «свет» выходил очень редко, и только на серьезные мероприятия, которые в основном обеспечивались еще и государственной охраной.

Имел он и трехэтажный особняк за городом, можно сказать виллу, целое поместье, но Колодин почему-то игнорировал эту элитную недвижимость. Похоже, с загородным домом у банкира были связаны какие-то неприятные воспоминания, решила Ксана.

Короче говоря, господин Колодин был скорее не шустрой рыбой, а броненосцем на колесах. Его можно было только взорвать, и то с трудом. Но этого-то как раз и нельзя было делать. Банкир должен уйти в мир иной без сучка-задоринки. На фига такие заморочки? – недоумевала расстроенная Ксана.

Может, устроиться к нему горничной? Ксана знала, что у банкира есть квартирная прислуга – женщина преклонных лет, которая была и экономкой, и поваром, и уборщицей. Да вот беда – старушку никак не подвинешь и так просто не заменишь. Она служила еще у отца Колодина, который в советские времена был каким-то партийным боссом. Поэтому банкир доверял ей всецело.

Старушке, конечно, можно помочь с отправкой на погост – а толку? Ксана, уже немного зная Колодина, была уверена, что он будет выбирать себе экономку года два. Но у нее не было такого времени. Ей отвели на отработку «клиента» максимум три недели.

К тому же, не факт, что Колодин согласится взять к себе в дом молодуху. Скорее всего, он будет искать женщину в годах. Ретроград хренов! – в гнев брызнула слюной Ксана, догоняя ушедший далеко вперед «мерс» Колодина. Впрочем, она могла и не устраивать гонки по городу. Куда еще мог банкир ехать вечером, как не домой?

Она оказалась права. «Мерседес» и машина охраны остановились возле подъезда элитного дома, уже хорошо знакомого Ксане, телохранители окружили босса плотной стеной (поэтому его было бы трудно разглядеть даже находясь рядом, не то что через оптический прицел снайперской винтовки), и все скопом ввалились в парадное.

Ну и как достать человека, сдвинутого на почве личной безопасности? Притом обстригать это дело без шума и пыли, как говорил некий комедийный персонаж.

А может, вернуть бабки? – мелькнула подленькая мыслишка (жалко, конечно, жаба давит, но хрен с ними, личное спокойствие дороже). Ну не справилась, не смогла, не сумела, с кем не бывает. Как это... «миссия невыполнима»?

Э нет, милая. То ж в кино. А в жизни все по-другому. Ксана коротко вздохнула. В таком случае, дорогуша, можешь поставить на себе крест. Чай, не в бирюльки идет игра. Заказчики – люди серьезные. Им лишние свидетели не нужны. Найдут, из-под земли откопают (с их-то возможностями!) и опять в землю зароют. Правила есть правила. У каждого свой бизнес, и в таких случаях он должен быть предельно конкретным и честным. Подписался на работу – изволь исполнять. Иначе...

Ксана в сердцах сплюнула через открытое окно «БМВ» и порулила на стоянку. Сегодня она должна была «дежурить» – ночевать в опостылевшей коммуналке, чтобы поддерживать свой имидж работающей девчонки из низов общества...

Поставив машину, Ксана решила идти домой напрямик – через пустырь. Вернее, не совсем пустырь. В прежние времена здесь был парк, но когда похоронили социализм и СССР рассыпался на разного размера кусочки, вдруг оказалось, что частникам нечем топить печки. Как это ни смешно, но за все годы советской власти на окраину города так и не удосужились провести газ. И народ топил углем, который остался за рубежом, в Донбассе.

Вот и пришлось людям, проживающим в частных домах, чтобы не замерзнуть в студеные зимы, переходить на подручные, и в основном дармовые материалы. У жителей окраины под рукой как раз оказался парк с вековыми деревьями.

Короче говоря, от парка остались лишь пеньки и молодая поросль. Да еще дорожки, которые топтали в основном местная молодежь и бомжи. Здравомыслящие люди в парк боялись соваться, особенно в темное время суток. Но Ксана не причисляла себя к здравомыслящим, а потому ходила по бывшему парку безбоязненно и в любое время дня и ночи.

«Как веревочка ни вейся, а совьешься ты в петлю...» – совсем некстати вспомнила Ксана слова какой-то песни, когда перед нею на дорожке выросли две мужские фигуры. От них за версту несло перегаром и луковой отрыжкой. Луна едва проглядывала из-за туч, но у Ксаны было отменное ночное зрение, и она видела их хорошо, в подробностях.

– Ты гля, кто к нам припрыгал, – насмешливо сказал один из мужчин.

Он был коренастый и крепкий как дуб. Похоже, мужики приняли на грудь немалую дозу, но это на них не сильно сказалось. Они даже не шатались. Что за причина могла подвигнуть их на ночной променады по парку, Ксана уже догадалась. В нем нередко случались изнасилования, иногда даже днем, но почему-то ни один из насильников до сих пор не получил по заслугам.

Скорее всего, главная причина плохой работы правоохранительных органов заключалась в том, что ни одно заявление потерпевших не дошло до суда. Одни девушки вообще боялись (или стыдились) заявлять об изнасиловании, от других откупались, а особенно настырным родителям, готовым идти за свое чадо до конца, ломали ребра или сжигали дома. Для жителей окраины не было большим секретом, что насильничают братки из бригады Кармана – местного Дона Карлеоне.

Конечно, Карман (его фамилия была Карманов) уже пообтесался и даже стал крутым бизнесменом, но волчьи повадки, оставшиеся у него со времен «большого хапка» девяностых, так и не смог оставить в прошлом. Парни Кармана уже не устраивали перестрелок с другими бригадами, они лишь охраняли различные объекты, принадлежащие боссу. Но «шалить» продолжали по-прежнему, благо у Кармана все было схвачено: и милиция, и суды, и городское начальство.

– Кто вы, я не знаю, но есть предложение разойтись мирно, – негромко ответила девушка и хищно ухмыльнулась.

Нужно сказать, что своим спокойствием она несколько озадачила мужиков. Но они уже все решили, а потому на предложение девушки ответили лишь хохотом.

– Во дает, – сказал второй тип, долговязый малый с лицом грешного херувима. – Похоже, она нас пугает. Интересно, чем?

– А то ты не знаешь, – в тон ему ответил коренастый. – Двустволкой.

И они снова заржали.

– Вот что, рыба, ты нас не бойсь, – сказал коренастый. – Счас мы сядем под кустик, выпьем, закусим, а потом ты получишь большое удовольствие. Большое и, главное, полное. Со всех сторон. Может, бабки нужны? Какие проблемы. Стольник «зеленью», думаю, тебе хватит. А потом пойдешь домой. И тебе будет хорошо, и нам. Но если начнешь понты кидать... тогда извини. Тебе ясно?

– Предельно, – ответила Ксана и достала пистолет. – А теперь послушайте, хмыри, что я вам скажу. Берите ноги в руки и канайте отсюда подальше. Пока я добрая. Иначе в ваших шкурах появятся дополнительные дырки.

Луна выглянула из-за туч, засверкала в небе, словно ярко начищенный медный грош, и двое насильников увидели, что именно достала девушка из сумочки. Но они не поверили, что это настоящее оружие.

– Спрячь свою спринцовку, дура! – строго сказал коренастый. – Иначе будешь плакать ты, а не мы. Притом горькими слезами.

Похоже, они думали, что в руках Ксаны газовый пистолет.

– Мое дело предупредить, – беззаботно сказала Ксана. – Если вы такие тупые идиоты... что ж, так тому и быть. С дороги! – Она решительно шагнула вперед.

– Ну ты, бля, наглая... – Долговязый «херувим» молниеносно бросился вперед, и не нажми Ксана вовремя на спусковой крючок, он достал бы ее ударом в лицо.

Долговязый упал возле ног девушки, два раза дернулся и затих. Наверное, коренастый был с поздним зажиганием, потому что даже не сдвинулся с места, лишь глядел в диком изумлении на поверженного товарища и беззвучно шевелил толстыми губами. Наконец до него кое-что дошло, и он полез за пазуху – наверное, за стволом.

Но Ксана не дала ему ни единого шанса. Раздался еще один выстрел, и перебитая пулей правая рука насильника повисла плетью. Он вскрикнул и пошатнулся.

– Я же вас предупреждала... – Ксана глядела на него холодно и отрешенно. – Это вам, суки, за всех девок, которых вы испохабили. Прощай, придурок.

– Стой! – вскричал коренастый. – Не надо! Не стреляй! Забери бабки, у меня тут две «штуки» баксами, все забери: часы, они дорогие, швейцарские, пять кусков «зеленью» стоят, мобилу – только не убивай!

– Не могу, – ответила Ксана. – Вы не оставили мне выбора.

– Но почему, почему?!

– Потому, что ты видел меня. Не повезло тебе, урод...

Совсем потерявший голову насильник, поняв, что наступила его последняя минута в жизни, с ревом бросился на Ксану, но пуля, которая вошла точно посреди лба, остановила его на полпути. Еще один выстрел – контрольный – она сделала в голову долговязого. Он, конечно, не подавал признаков жизни, но Ксана действовала так, как требовалось по ситуации. Неровен час, оклемается (в жизни иногда случаются чудеса), тогда жди беды.

А Ксане совсем не хотелось убегать из города, где ее жизнь была более-менее налажена и где есть надежный посредник. Это она уже проходила. Была когда-то почти бомжихой.

Она не стала обыскивать насильников и забирать оружие или деньги. Все это было чужим, а Ксана никогда не опускалась до примитивного воровства или грабежа.

Она совсем не сожалела о содеянном. Эти двое явно были бандитами из бригады Кармана. Туда им и дорога, подумала Ксана хладнокровно, обойдя трупы – чтобы не вступить

нечаянно в лужу крови. За отпечатки подошв она не беспокоилась, потому что дорожка сплошь поросла травой.

Но с возвращением домой теперь придется повременить... Невольно вздохнув, Ксана резко изменила курс и пошла по направлению к большому супермаркету, который находился в двух кварталах от ее дома. Обычно в это время там много покупателей, и ее запах должен смешаться с запахами других людей, поэтому ни одна ищейка не сможет проследить ее дальнейший путь. Кроме того, она пожертвовала пачкой сигарет, раскрошив их на своем пути – чтобы ищейке отбить нюх.

В принципе, Ксана не курила, а баловалась. Иногда это нужно было для дела. В баре или ресторане современная девушка без сигареты выглядит как белая ворона. Поэтому в ее сумочке всегда лежала пачка дорогих сигарет и фирменная зажигалка.

В супермаркете Ксана поссорилась с кассиршей. Похоже, ее только недавно приняли на работу, и она, чтобы не ошибиться, все операции проделывала настолько медленно, что возле ее кассы образовалась длинная очередь.

Пока не было Ксаны, люди лишь тихо роптали, но девушка сразу взяла с места в карьер, и наговорила бедной женщине целую кучу тех «комплиментов», которые выдают на-гора вечные торопыги. Естественно, тут же нашли и подпевалы из очереди (и не только женского пола), которым для бунта не хватало лишь вожака.

В общем, скандал привлек внимание администратора, он долго извинялся перед Ксаной за нерасторопность своих работников и дал в помощь женщине старшего кассира, чтобы очередь немного рассосалась. Ксане, конечно, жалко было кассиршу, которую даже пот прошиб, – наверное, женщина боялась потерять работу, – но вышла она из супермаркета с чувством полного удовлетворения.

Теперь у Ксаны было железное алиби, тем более, что, разыгрывая свое «представление», она несколько раз громко и с напором назвала время: «Уже начало десятого, а я тут торчу в очереди по вашей милости!»

Конечно, ссора была совершенно глупой и беспредметной, но Ксане не раз доводилось наблюдать такие сценки возле кассы, и она лишь воспроизвела виденное. Ксана совершенно не сомневалась, что ее хорошо запомнили не только работники супермаркета, но и соседка, живущая этажом выше; она стояла позади.

«Покой нам только снится...» – со страдальческим вздохом вспомнила Ксана строку из стихотворения, заходя в квартиру. Там стоял гвалт почище того, что совсем недавно бушевал в супермаркете.

По ходу заглянув в открытую дверь кухни, девушка увидела еще одного соседа, Лёху Пальчика. Пальчик – это фамилия. А вообще-то его прозывали Сюся. Откуда пошло прозвище, уже никто не помнил. Возможно, эту кликуху Лехе припаяла тетка Матрена. У нее был талант на такие дела. Это она окрестила Ксану «монашкой».

Лёха был пьяницей и бузотером. Пил он почти каждый день, но, как ни странно, никогда не упивался до положения риз. Зато скандалы и драки устраивал регулярно. Это было у него в крови. Правда, до сих пор дома он не дрался ни разу; в квартире его тянуло лишь на блатные песни, которые Лёха любил распевать, начиная с часу ночи. От его вокальных упражнений даже брачующиеся коты умолкали, потому что Лёха пел возле открытого окна, неотрывно глядя на луну.

Но сегодня, видимо, день был такой нехороший – сплошные приключения. Так подумала Ксана, заходя на кухню с чайником. Возможно, Луна не в ту фазу попала, или на Солнце появился новый большой протуберанец, из-за чего разразилась невиданная доселе магнитная буря, и народ сильно перевозбудился.

Лёха наезжал на Федюню. Мадам Николенко отсутствовала (наверное, задержалась на работе; она где-то подрабатывала), и ее сожитель оказался беззащитным. Он забился в угол

и слабо отмахивался от Лёхи безвольными руками. При этом Федюня еще что-то и скулил, но говорил он всегда неразборчиво, а в таком состоянии – и подавно.

Лёха пока не бил его изо всей силы, только слегка трепал по мордам – заводил сам себя. Но по тому, как в его хмельных глазах начал появляться опасный блеск, Ксана поняла, что скоро Федюня получит по полной программе.

Тетка Матрена стояла поодаль, уперев руки в боки, и с видимым наслаждением наблюдала за начинающейся баталией. Она терпеть не могла мадам Николенко, и эту неприязнь перенесла и на безобидного Федюню. Впрочем, тетка Матрена принадлежала к тому генотипу, который ненавидит все человечество и любит лишь свою единственную и неповторимую персону.

Ксана решила ни во что не вмешиваться, хотя ей и жалко было Федюню. С девушкой он всегда был очень вежлив и предупредителен и смотрел на нее с немым обожанием. Хорошо, что эти взгляды не замечала мадам Николенко...

Поставив чайник на плиту, Ксана хотела уже уйти в свою комнату, но тут случилось непредвиденное – в конфликт вмешался «мироворонец» Сим Симиыч.

– Ты, это, руки придержи, – молвил он строго, и встал между Лёхой и Федюней. – Нехорошо так. Чай, соседи.

– Уйди отсюда, старый пень! – взвился Лёха и оттолкнул Сим Симиыча. – Тебя тут не хватало...

Старик отшатнулся и, зацепившись за мусорное ведро, со всего маху грохнулся на спину. Все на какое-то время оцепенели. Даже Лёха. Но хмель вскоре взял свое, и он сказал, гнусно ухмыляясь:

– Получил! Канай отседа... надоед!

И тут Ксана не выдержала, сорвалась. Похоже, и на нее подействовала магнитная буря или что там еще.

– Что ты творишь... козел?! – вскипела девушка.

– Чего?! – Лёха резко обернулся. – Это кто еще пасть раскрыл?! Кто меня козлом обозвал?!

– Ну я, – дерзко ответила Ксана, глядя на Лёху нехорошим взглядом.

– Глазам своим не верю – наша монашка прорезалась. Ах ты, курва, да я тебя сейчас за козла!..

Что он намеревался сделать с девушкой, так никто и не узнал. Не меня выражения лица, Ксана хорошо отработанным движением вогнала носок своей туфли в промежность Лёхи, и он лег на пол рядом с Сим Симиычем.

– С-сука-а-а... – шипел от боли Лёха; он ерзал по полу, держась обеими руками за свои мужские причандалы, а из его глаз лились слезы. – Убью-у-у...

– Слушай ты, Сюся! – сказала Ксана и наступила ему ногой на шею. – Еще раз забудешь, мы тебя всем нашим колхозом кастрируем как блудливого кота. И чтобы я больше не слышала твоих ночных серенад. Понял?! – Она нажала сильнее.

– Хр-р... хр-р... П-перестань! Не буду! Понял, понял!

– Вот так-то оно лучше. Пшел вон отсюда!

Стеная и охая, Лёха на карачках выполз из кухни. Ксана помогла подняться совсем обалдевшему Сим Симиычу. Он во все глаза смотрел на девушку и морщился, массируя место ушиба. Сим Симиыч никак не мог понять метаморфозы, которая произошла с Ксаной, которую он считал невинным безответным существом.

– Как вы? – озабоченно спросила Ксана.

– Нормально, – ответил Сим Симиыч. – Зря ты его так...

– Ничего, выживет. Это ему наука на будущее.

– Да уж... наука... хи-хи... – хихикнула тетка Матрена. – Таперича он свою Машку месяца два не будет обихаживать. Трагедия...

Она тоже была сильно удивлена «героическим» поступком девушки-тихони, но чужая боль доставила ей гораздо большее удовольствие, нежели столь эффектно и неожиданно закончившийся очередной кухонный скандал. Ксана была уверена, что тетка Матрена не станет глубоко копать, чтобы понять смысл произошедшего. Для нее главным было то, что появилась новая, животрепещущая тема для пересудов. Теперь Сюся надолго затихнет – пока все не забудется. Он считал себя козырем, а тут такой облом.

Но Ксана была огорчена – у нее в коммунальной квартире появился личный враг, и это было чревато последствиями. Увы, она «засветилась». А в ее «профессии» героическим личностям, которые всегда на виду, делать нечего.

«Может, шлепнуть этого гада... где-нибудь подальше от дома, – думала она, прихлебывая горячий, круто заваренный чай. – Ан нет, нельзя... Поздно. Теперь мне нужно молиться, чтобы с Лёхой в ближайшее время ничего не случилось. Иначе менты для начала придут ко мне. У них там тоже не дураки сидят...»

Крепкий чай прояснил мысли, и Ксана села к письменному столу. Она взяла бумажный лист и начала черкать по нему карандашом. Так девушка всегда поступала, когда задание было слишком сложным. Впрочем, последние два-три года ей доверяли только такие.

Идея пришла только тогда, когда она изрисовала кружочками и квадратами с надписями весь листок. «Дура! – сказала Ксана сама себе. – Как можно было забыть, что мужики в основной своей массе телки, жаждущие припасть к материнской соске?! Они больше живут прошлым, нежели будущим. Их хлебом не корми, а дай поностальгировать».

Она решительно сожгла исчерканный листок и включила мобилку:

– Алло!

– Тебе чего? – раздался недовольный голос Филя.

– Есть проблема, – ответила она кратко.

Причину недовольства своего «работодателя» Ксана поняла сразу – Фил явно коротал вечер не в полном одиночестве.

Несмотря на возраст и почти лысую башку, Фил был большим любителем молоденьких девочек. Но он редко пользовался услугами путан. Свой «контингент» Фил обычно находил в студенческих общежитиях и среди школьников. Денег у него было много, поэтому девушки слетались к нему как бабочки на огонь. А Фил умел навесить лапшу на уши. Еще бы: шикарный новенький «мерс», дача за городом, дорогие костюмы и щедрое угощение. Редко какая из девчонок отказывалась принять его ухаживания.

Поначалу он пытался подбить клинья и к ней. Поддавшись его напору, Ксана не стала сопротивляться и разделась едва не догола, но когда Фил попытался опрокинуть ее навзничь, она приставила к его виску пистолет и очень серьезным голосом сказала: «Еще раз попробуешь так сделать – убью».

После этого фиаско он начал смотреть на Ксану как на змею, которая нечаянно оказалась в его доме.

Но дело прежде всего, и Фил, скрепя сердце, был в основном весьма любезен и делал вид, что очень доволен их сотрудничеством. На самом деле – в этом Ксана была уверена на все сто процентов – Фил ее люто ненавидел и готов был сдать со всеми потрохами. Но такой момент еще не наступил. И не наступит, про себя решила Ксана.

Еще немного – и пора с Филом кончать, подумала девушка. Он чересчур много знает, а потому представляет для нее опасность номер один. Мочить его не стоит, это чревато нежелательными последствиями (вдруг боссы Филя догадаются, кто с ним управился), а вот автокатастрофа, или, например, сердечный приступ с летальным исходом – это в самый раз.

– Момент... – Какое-то время трубка молчала, а затем снова послышался голос Фила:
– Говори.

– Мне срочно нужны фотки усопшей жены нашего клиента. Желательно не одна, а несколько. Лучше те, на которых она сфотографирована в молодые годы.

– Вот те раз... Где я их возьму?

– Пойди и попроси у него, – отгрызнулась Ксана. – А голова у тебя зачем?

– Чтобы было на чем держаться ушам, которые выслушивают твои благоглупости.

– Я так и поняла. Тогда прими мою глупую подсказку. У нее должны быть родители, а у них – альбом с семейными фотографиями. Дошло?

– Дошло... – буркнул Фил.

В трубке слышался шум льющейся воды. Наверное, Фил удалился в ванную, чтобы не травмировать своими тайнами очередную пассию.

– Это нелегко и будет стоить денег... – продолжил он с намеком.

– Забудь! – отрезала Ксана. – И вообще, меня твои проблемы волнуют меньше всего. Информация, которую ты обязан мне предоставить, неполная, так что, будь добр, исполняй условия нашего соглашения. Усек?

– Зараза ты, Кс!.. – начал было с чувством Фил, но тут же и умолк – любые имена и фамилии в телефонных переговорах были для них табу. – Ладно, я постараюсь.

– Старайся быстрее. Даю тебе двое суток. Время пошло... – с этими словами раздраженная Ксана отключила телефон.

Она легла спать с тревогой в душе. День выдался каким-то суматошным, непонятным и, главное, неэффективным. Одни проколы. Особенно ее тревожили незадачливые насильники. Если это люди Кармана, то можно не сомневаться, что он поставит весь город на уши, чтобы найти убийцу.

К тому же, кроме ментов (что само собой разумеется), Карман подключит к розыску и своих братков, и воровскую шоблу. А эти умеют искать. У них везде глаза и уши.

В общем, все выходило на то, что ее задача усложнится. Такая перспектива не очень радовала Ксану.

«Посчитай в уме баранов и спи... дура!» – злобно сказала Ксана и невероятным усилием воли переключила мысли на другое. Вскоре перед мысленным взором девушки побежали морские волны, потом нарисовалась песчаная лагуна с пальмами, затем появилось звездное небо и наконец из его космических глубин опустилось невесомое темное покрывало. Оно свилось вокруг нее в мягкий кокон и унесло Ксану в далекую страну забвения.

Глава 6

Кот

Старая крыса совершенно обезумела от бессильной ярости, услышав предсмертный писк крысеныша. Она интуитивно чувствовала, что это ее последний выводок, поэтому относилась к своим детенышам с удивительной теплотой и заботой. Но, похоже, увядающий организм крысы уже был не в состоянии дать крепкое здоровое потомство, и спустя неделю после родов из девяти крысенышей осталось только трое.

Крыса была большой, очень большой. Скорее всего, на ее размеры повлияла радиация. В отличие от черных крыс, живущих на чердаках, она относилась к пасюкам, которые обычно селятся в подвалах, заброшенных амбарах и подземельях. В Горе для крыс было много места, однако они большей частью избегали селиться тут из-за повышенного радиоактивного фона, и только старая крыса, которая в свое время родилась неподалеку от разрушенного реактора, могла без последствий переносить коварное излучение, убивающее все живое.

Но и она старалась избегать некоторых мест – где заряженные частицы лились бурным потоком. А в остальном жизнь старой крысы в Горе проходила тихо-мирно, без каких либо эксцессов и тревог. Ее прежнее потомство успешно осваивало близлежащие к Горе территории, и посещающие мертвый город делегации ученых диву давались, когда на пути им попадались крысы размером с кошку.

И вот погиб еще один ее отпрыск. Удивительно, но у животных, как и у людей, есть любимцы среди подрастающего потомства. Возможно потому, что у них преобладают материнские гены, и мать это каким-то образом чувствует. А потому больше ее любви достается именно этому детенышу.

Так было и со старой крысой. Убитый кошкой крысеныш как раз и был ее любимчиком. Он раньше всех начал самостоятельно охотиться, был очень храбр и не по возрасту рассудителен – если можно так сказать о животном. Крыса была уверена, что его застали врасплох, потому что крысеныш отличался осторожностью и никогда не вступил бы в схватку с более сильным противником.

Старая крыса не боялась кошек. В мертвом городе они сосуществовали достаточно мирно; наверное потому, что еды было вдоволь, так как и крысы не брезговали мышами. А еще кошек, этих коварных и жестоких охотниц, сильно смущали размеры крыс. Схватка с таким монстром могла закончиться для них плачевно.

Впрочем, и особой дружбы между крысами и кошками тоже не было. На памяти старой крысы бывали случаи, когда пасюки загоняли бездомную кошку в угол, и тогда ни о каком перемирии никто даже не вспоминал. Кошки платили той же монетой; но они большей частью убивали молодых крыс, которые случайно оказывались на их пути. Однако мясо крысенышей они не ели – уж неизвестно, почему.

Старая крыса давно учуяла запах кошки. Она исследовала расселину, откуда он доносился, и успокоилась – щель была чересчур узкой, чтобы кошка могла добраться до ее гнезда. Крыса не могла предположить, что любопытный крысеныш, гибкий и ловкий, сумеет забраться вверх по узкому извилистому ходу.

Но теперь крыса пылала мстостью. Отомстить! Напасть на кошку и ее выводок и убить всех! Это стало ее идеей-фикс. Но как добраться до кошки? Только через расщелину. Поискать другие пути старая крыса не додумалась. Скорее всего, из-за ярости, которая лишила ее рассудка. И крыса стала расширять щель, вгрызаясь в неподатливый бетон все еще крепкими и острыми зубами...

Тем временем Кот рос не по дням а по часам. Он уже начал ходить вместе с матерью-кошкой на охоту. Бой с крысенышем, едва не окончившийся его гибелью, неожиданно стал катализатором взросления. Кот вдруг понял, как и зачем нужно убивать. И что свежее мясо ничем не хуже материнского молока.

Теперь он со снисходительностью бывалого охотника наблюдал со стороны за возней сестер и брата, которым мать приносила по две, а то и по три мыши сразу, но никогда не забирал у них еду, хотя мог бы. Кот был сыт. Он до отвала наедался на охоте. К тому же, играть с обездвиженной мышью было совсем не интересно.

Постепенно Кот и мать-охотница начали уходить от Горы все дальше и дальше, нередко покидая мертвый город. Кошка будто торопилась показать своему любимчику все тонкости и премудрости охоты. Она научила его опустошать птичьи гнезда, научила искать их на деревьях и в высокой траве. Показала, как можно достать лапой рыбешку из ручья и где таится заячий выводок.

Однажды Кот наткнулся на змею и уже вознамерился было поиграть с нею, так как посчитал ее не добычей, а какой-то живой диковинкой, но тут невесть откуда появилась кошка-мать и сильным ударом лапы отшвырнула его от свернувшейся в клубок гадюки. Свирепое шипение Кошки подсказало неопытному охотнику, что он избежал большой опасности.

Кошка не стала откладывать урок охоты на змей. Кот с интересом наблюдал за ее действиями, но вмешаться в схватку даже не думал. По поведению матери он уже понял, что «игрушка», похожая на большого, толстого и вполне безобидного червя, которых было много по берегам ручьев, смертельно опасна.

Кошка кружила вокруг готовой к броску змеи и, улучив момент, била ее лапой. Она хотела, чтобы гадюка бросилась наутек, чтобы испугалась. Но змея была опытной и долго не сдавала позицию, надеясь, что кошке надоеет это нудное и небезопасное занятие. Тем более, что вокруг дичи было полно. Наверное, змея даже недоумевала – что это с кошкой?

Из опыта она знала, что главным ее врагом является длинноногий и остроклювый аист. Остальные птицы и животные обычно избегали входить в близкий контакт со змеями, за исключением лис. Но их было не так уж и много в этих местах, поэтому гадюка безбоязненно охотилась там, где ей вздумается.

С кошками змея еще не встречалась и была сильно озадачена ее тактикой. Уже несколько раз она делала молниеносные выпады, но ядовитые зубы гадюки кусали лишь пустоту – оказалось, что кошка быстрее лисы. Кошка так быстро перемещалась по кругу, что у гадюки, образно выражаясь, закружилась голова. Совсем сбитая с толку гадина наконец расплела тугие кольца и бросилась наутек.

Но не тут-то было. Кошка одним прыжком настигла ее и укусила за хвост. Разъяренная змея развернулась и попыталась достать охотницу. Но та уже отскочила на безопасное расстояние и горящим взглядом отслеживала каждое движение гадюки. Змея снова вознамерилась уползти, и опять Кошка придержала ее за хвост. Так продолжалось до тех пор, пока гадюка совсем не обессилела.

И тогда наступил финал. Выбрав момент, Кошка подпрыгнула высоко вверх и, опустившись на змею всеми своими четырьмя конечностями одновременно, вогнала когти двух передних лап в ее тело ниже плоской треугольной головы. Пригвоздив таким образом гадюку к земле, Кошка ждала, пока та совсем выдохнется, совсем не обращая внимания на то, что змея хлестала ее хвостом и вила тугие кольца вокруг ног и тела охотницы.

Но вот сопротивление змеи совсем ослабло, и мышцы ее тела превратились из тугих канатов в тряпичные жгуты. Неуловимо быстрым движением Кошка убрала лапы и тут же вонзила свои острые зубы в то место, где только что находились когти. Спустя какое-то время откушенная голова гадюки, хранящая смертоносный яд, упала на землю, и Кошка наконец

расслабилась. Она отошла в сторонку и легла, чтобы отдышаться, тем самым предоставив Коту возможность поупражняться с безвольным телом змеи.

Кот был старательным учеником. Он повторил по нескольку раз все движения кошки-матери, пока они не стали автоматическими. То ли своим звериным умом, то ли инстинктом он понимал, что от этого зависит, настолько длинной окажется его будущая жизнь.

Со стороны могло показаться, что это обычные забавы молодого игривого кота, которого переполняет энергия и который может забавляться даже с бабочкой или падающим древесным листом. И только внимательный, а главное, искушенный, наблюдатель мог бы заметить, что все его прыжки и отскоки выверены до миллиметра, а змея в его воображении была не мертвой, а живой и полной сил...

Еще одно опасное приключение Кот испытал, когда начал выходить на охоту самостоятельно. Ближе к осени он превратился в настоящего красавца. мех на его туловище был сизым, с «изморозью», а мордочка и пушистый хвост стали темно-серыми, почти черными. Такие же темные «перчатки» были и на лапах. Этот окрас он получил от породы рэгдолл, так же, как и голубые выразительные глаза. А в наследство от отца, лесного кота, ему достались несколько абсолютно черных полос на хвосте и «перчатках», и самое главное – феноменальное зрение и потрясающий слух. Ко всему прочему, Кот обещал стать гораздо больше своих родителей.

Со временем он стал уходить от города все дальше и дальше. Притом, не только в ночное время, но и днем. И не потому, что добычи стало меньше.

Просто теперь его инициативу некому было сдерживать, и он превратился в настоящего путешественника. Кот был очень любопытен и сметлив. Он научился у Кошки не убивать ради забавы. Кот лишь запоминал, где бегает или гнездится мелкая живность, и когда приходило чувство голода, он не рыскал в бесплодных поисках по округе, а шел именно туда, где его уже ждал сытный обед.

Однажды в своих странствиях он наткнулся на лисий выводок. Нора на сухом пригорке попала ему на глаза совершенно случайно, но вибриссы Кота сразу встопорщились. Он чувствовал, что из норы веет неизвестной опасностью, но в то же время там находились живые теплокровные существа, потенциальная добыча. А значит, нужно все как следует разведать. Кот тенью скользнул в заросли лопуха и затаился.

Некоторое время обитатели норы не подавали признаков жизни. Но Кота это не сильно смущало. По дороге он успел закусить глупой молодой мышью, которая выбежала из-под корневища вывороченной лесины прямо под его лапы, поэтому мог ждать сколь угодно долго. Кот уже усвоил главный принцип любой охоты – терпение, терпение и еще раз терпение.

Конечно, он еще был не в состоянии долгое время изображать, как Кошка, неподвижное и почти бездыханное изваяние. Все-таки молодость и переполнявшая Кота энергия брали свое. Но с каждой новой охотой в нем прибавлялось житейской мудрости, происшедшей не только из личного опыта, но также из каких-то потаенных глубин его существа. Скорее всего, сказывались гены отца, дикого лесного кота.

Стояло раннее утро. В ложбинах все еще таял туман, но солнце уже осветило верхушки деревьев и его животворящее тепло постепенно будило лесных обитателей, ведущих дневной образ жизни. Наверное, прозвенел звонок вечного будильника и обитателям подземного убежища. В норе началось шевеление, и на небольшую полянку, с осторожностью, присущей всему лисьему племени, начали выходить лисята.

Они долго принюхивались и присматривались, готовые в любой момент юркнуть обратно, в спасительную темень норы, но их живость и беззаботность вскоре взяли верх, и малыши устроили кучу малу. Кот озадаченно смотрел, как они бегали, прыгали, кувырка-

лись, и не знал, что ему делать. Он мог убить любого из них, сил и сноровки Коту для этого вполне хватало, однако что-то его сдерживало.

Во время своих походов по мертвому городу и окрестным лесам ему приходилось встречаться с одичавшими псами. Это были очень опасные звери. Кота спасала лишь молниеносная реакция и высокие деревья, на которые он буквально взлетал.

Лисята, несмотря на малые размеры, были чем-то похожи на собак, но запах у них был иной. К тому же, они не казались опасными. В глазах Кота эти шустрые зверьки были обычной добычей, лишь несколько больших размеров, нежели та, с которой ему уже доводилось сталкиваться. И все равно некий внутренний тормоз приковал его к месту. Смущенный Кот даже несколько раз щелкнул зубами, словно примеряясь, как он вонзит свои уже немалые клыки в шею одного из суетливых существ, однако не сдвинулся с места ни на миллиметр.

И он оказался прав. К сожалению, осознание правоты пришло слишком поздно. Заигравшись, лисенок кубарем откатился в сторону – и очутился прямо перед носом притаившегося в лопухах Кота. Некоторое время они смотрели друг на дружку – Кот озадаченно, а лисенок испуганно, – но эти смотрины длились совсем недолго. Маленький лис, обмочившись с перепугу, завизжал-затявkal с такой страстью, что оглушенный Кот даже опешил.

Возможно, на этом все и закончилось бы, потому что Коту вдруг расхотелось связываться с этими непонятными зверьками. Но тут на его беду возле норы появилась лисица-мать, которая принесла с охоты для своих детей корм – жирную куропатку. Заслышав крик лисенка о помощи, она мгновенно превратилась в фурию и вихрем налетела на Кота.

Отступать было некуда. До дерева, на которое можно забраться, было далеко. А с боков Кота и сзади высились густые заросли лопухов и чертополоха, сковывающие маневры. Был лишь один путь убраться отсюда подобру-поздорову – вперед. Несмотря на молодость, Кот сразу это понял. И когда лиса раскрыла пасть, чтобы провести свой коронный охотничий прием, – сломать хребет незваному гостю одним куском – Кот взвился в воздух... и опустился точно на загривок рыжей охотницы.

Эффект получился ошеломляющий. Кот начал наносить удары лапами по глазам и носу лисы и рвать ей уши, а это были самые больные и уязвимые места. Полуослепшая от боли и бешенства лиса взвыла и покатилаcь по земле, стараясь сбросить своего жестокого наездника.

Наверное, Кот мог убить лису, будь он постарше, но это ему было не нужно, потому что все его действия были не столько обдуманными, сколько вынужденными и происходили не от охотничьего азарта, а с испугу. Поэтому, едва лиса начала кувыркаться, он соскочил с ее шеи и дал деру. Никто его не преследовал, и вскоре Кот был уже далеко от норы и беспокойного лисьего семейства. Он забрался на старый дуб и принялся тщательно вылизывать свою густую пушистую шерсть, которая время от времени топорщилась, когда он вспоминал перипетии схватки с лисой...

Крыса все-таки добралась до кошачьего жилища. За то время, что она прогрызала сюда лаз, произошли многие события. Во-первых, сначала куда-то исчезла одна из сестер Кота. Она вышла прогуляться и пропала среди бела дня. Что с ней случилось, не знал никто. Впрочем, остальные котята этим вопросом особо и не интересовались, лишь кошка-мать какое-то время испытывала беспокойство и была раздражена.

Затем пришел черед и брата Кота. Брат был немного похож на него – такой же сизо-черный красавец, только поменьше, и на спине у него виднелись несколько серых полос – наследство от отца, лесного кота. Он попытался пройтиcь по узкому металлическому карнизу, но не удержался и упал вниз с десятиметровой высоты. И все бы ничего (в воздухе кот сумел извернуться и уже готов был приземлиться на все четыре лапы), да вот беда – внизу его ждали острые штыри, остатки арматуры, один из которых проткнул его насквозь.

Его предсмертный плач долго разносился внутри Горы; на этот зов прибежала и кошка-мать, и Кот с сестрой, но что они могли сделать? Рассевшись кругом, они в полном молчании наблюдали за тем, как вместе с каплями крови из раны утекает и жизнь незадачливого котенка.

Этот несчастный случай заставил Кота быть значительно осторожней, когда он лазал по деревьям. Естественно, он не мог сделать запись о нем в своем дневнике, и даже в памяти это печальное происшествие не отложилось, однако внутри у него включился еще один охранительный датчик, способный в дальнейшем предостеречь Кота от подобных фатальных промахов.

Кошка слышала, как крыса грызла бетон. Постоянные шорохи и скрипы ее немного раздражали, и она время от времени подходила к щели, ложилась возле нее и сторожила там неизвестно что. Но такие бдения продолжались недолго. Кошка знала, что это шумят крысы, но она их не боялась. Кошка была чересчур крупной даже для крыс-мутантов, и нередко убивала их походя – когда они попадались на ее пути. Убивала, но никогда не ела.

Особенно кошка озлилась на крыс после нападения крысенюша на Кота. Теперь во время охоты, в отличие от других представителей кошачьего семейства, она считала своим долгом сломать хребет очередной крысе. Но со старой крысой, которая прогрызала ход, кошке не довелось встретиться ни разу, потому что их охотничьи поля находились на противоположных сторонах Горы. Ко всему прочему, старая крыса никогда не уходила слишком далеко от своего гнезда.

Несмотря на всепожирающее чувство мести, угнездившееся где-то в подкорке крысинного мозга и заставлявшее крысу неустанно и каждодневно прогрызать дыру наверх, она по-прежнему оставалась очень хитрой и осторожной. По звукам, доносившимся сверху, крыса поняла, что врагов много, а значит, одна она не в состоянии их одолеть. Даже с помощью оставшихся в живых крысенышей, которые уже мало чем отличались от взрослых особей.

Значит, нужно было ждать удобного момента. И он вскоре наступил...

Была вечерняя пора, и кошка-мать вместе с Котом вышли на охоту. За пределами Горы их пути разошлись: Кот, как обычно, решил прогуляться подальше, а Кошка, снедаемая нехорошими предчувствиями (кошки обладают потрясающей интуицией), стала охотиться возле атомной станции, такой же мертвой, как и город. В гнезде осталась лишь молодая кошечка – удивительно ленивое и безответственное существо.

Юная кошка могла спать почти сутки. Еды – разной живности – было вдоволь, и найти ее в начале осени не составляло особого труда и не отбирало много времени. Набив живот, юная кошка тут же торопилась обратно и, забравшись в тумбу стола, сладко почивала на каких-то накладных, отчетах и справках, порванных в клочья кошачьими когтями. Похоже, в генетической цепочке кошечки было вкраплено слишком мало генов отца – лесного кота, хотя она была на него гораздо больше похожа, нежели два ее братца.

Она прекрасно смотрелась бы в городской квартире, поскольку была удивительно красива. Ее густой и пушистый серый мех с рыжинкой украшали темные полосы, лапы были в черных «перчатках», а выразительные голубые глазищи на темной, почти черной, мордочке сверкали словно два огромных полированных сапфира.

Юная кошка спала и не видела, как из щели за нею наблюдают две горящие адским пламенем бусинки. Крыса выжидала удобный момент для нападения. Откуда-то она знала, что кошки спят очень чутко, поэтому старая крыса выжидала момент. Позади нее волновались крысеныши, которые тоже хотели принять участие в драке. Они не могли понять, почему мать остановилась. Молодые крысы пытались подтолкнуть ее носами, и даже слегка покусывали, отчего крыса еще больше свирепела.

Наконец крысе показалось, что сон полностью одолел кошечку, и она серой тенью выскользнула из щели. Свирепая мстительница не стала дожидаться, пока подойдет под-

крепление, и вцепилась в горло юной кошке. Наверное, тут бы ей и пришел конец. Но старая крыса, которой уже доводилось убивать одичавших кошек, не учла (да и не могла учесть) одного очень важного момента – в отличие от других пород, у семейства рэгдолл очень плотный и густой мех, а кожа лесных котов гораздо толще и прочнее, нежели у одомашненных особей кошачьей породы. Поэтому крыса и не смогла сходу вспороть юной кошке шейную артерию.

Молодая кошка подхватила как ошпаренная и выскочила из своего «теремка». Мотнув головой, она отбросила крысу в сторону, и попыталась убежать. Это было ее ошибкой. Все-таки кошечка, несмотря на юный возраст, была крупнее крыс. И ее зубы уже были давно не молочными. Конечно, три крысы для нее представляли явный перебор, и она в конечном итоге все равно не устояла бы. Но будь у юной кошки побольше боевого и житейского опыта, она бы могла, сражаясь, выбрать, по крайней мере, удобный момент для успешного отступления.

Кошечку перехватили крысеныши. Они набросились на нее с боков и вцепились в молодую кошку бульдожьей хваткой. Убить такого крупного (по сравнению с ними) зверя, как кошка, они, естественно, еще не могли, но сковать ее движения сумели. А потом наступила кровавая развязка. Подросла старая крыса, размеры которой не очень уступали размерам юной кошки, и на это раз ее укусы были разящими.

Бедная кошечка, теряя последние силы, издала такой громкий вопль, что его услышала даже кошка-мать, хотя она и находилась вне Горы. Переполненная дурными предчувствиями, Кошка как раз возвращалась с охоты. Заслышав крик о помощи, она побежала с такой скоростью, как никогда не бегала прежде. Увы, внутри Горы нельзя было сильно разогнаться. И как Кошка ни торопилась, все равно опоздала. Когда она появилась в бывшей кладовой, все уже было кончено – крысы разорвали кошечку на куски.

Завидев кошку-мать, своего главного врага, старая крыса бросилась на нее, не задумываясь. Запах свежей крови довел ее до того, что она ничего не боялась и жаждала лишь одного – убивать. Злобная фурия была страшна в своей ярости, но она встретила ярость не меньшую.

Кошка-мать была опытным, выдавшим виды бойцом, что предполагает осторожность и предусмотрительность. И наверное, случись ее встреча с тремя крысами-мутантами где-нибудь в другом месте, она бы постаралась избежать драки. Но в данном случае были задеты материнское чувство и кошачья честь – ведь крысы ворвались в ее дом, разорили ее гнездо.

Схватка получилась вихревой и предельно жестокой. Первый раунд выиграла Кошка. Когда куча мала рассыпалась, оказалось, что один крысеныш уже мертв – Кошка все-таки ухитрилась добраться до его шейных позвонков. На какое-то мгновение в бывшей кладовой воцарилась тревожная тишина. Взырошенные и покрытые ранами противники буквально пожирали яростными взглядами друг друга. Небольшая передышка совсем не предполагала мировую...

Кот тоже услышал зов юной кошки. Но не ушами, а каким-то внутренним чувством. Он как раз следил за куропачьим выводком.

Вечер только-только вступал в свои права, солнце еще не совсем скрылось за горизонтом, поэтому отправляться на ночлег пока было рано, и молоденькие, но уже нагулявшие жирок куропаточки паслись на небольшой полянке, объедая созревшие верхушки дикого овса. Одна из них, наверное самая беспечная, в этот момент находилась совсем рядом с Котом, ему стоило лишь прыгнуть, чтобы поужинать сладким куропаточьим мясом.

Кот вздрогнул и у него вмиг пропал весь охотничий пыл. Он тут же поторопился обратно, домой. Но и в такой большой спешке Кот не нарушил главную заповедь лесного охотника – нельзя пугать дичь бестолку. Ведь тогда куропатки могут больше не вернуться на эту полянку. А она такая удобная для засады...

Он подоспел вовремя. Кошка уже теряла последние силы, хотя теперь у нее остался лишь один противник – старая крыса, которая, казалось, сошла с ума. Она атаковала со всех сторон и в таком бешеном темпе, что вскоре все тело Кошки напоминало большую кровотокающую рану. Второй крысеныш уже не вмешивался в схватку; он лишь сидел в углу и слабо попискивал от боли, зализывая кошачьи укусы. Молодая крыса настолько обессилела, что не могла ни сражаться, ни убежать.

Распушив хвост, Кот влетел в кладовую с азартом молодого бойца, ни разу не испытывшего горечь поражений. Впрочем, вид разъяренной крысы несколько смутил его (наверное в этот момент он вспомнил свой первый бой с крысенышем), но не надолго. В следующий миг Кот исполнил прием, которому его совсем недавно научила кошка-мать (правда, этот прием был предназначен для другого врага): он высоко подпрыгнул, опустился на крысу сверху, и вогнал свои когти ей в шею.

Дальнейшее ему помнилось смутно. Все-таки крыса была настоящим монстром. Она почти не уступала Коту в весе и размерах. Стараясь стряхнуть его с загривка, старая крыса начала метаться по комнате, затем покатила по полу, пытаясь извернуться и достать Кота зубами, но его лапы словно окаменели, а когти все глубже и глубже впивались в крысиную плоть.

К сожалению, он не мог как следует вцепиться в крысу зубами, потому что она все время двигалась; но тут ему на помощь поспешила кошка-мать, успевшая благодаря сыну немного отдышаться. В один из моментов схватки крыса показала ей свое более светлое, чем спина, брюшко, и бывалая охотница не промахнулась. Она впила в него, и спустя какое-то время все было кончено.

Кошка долго не отпускала крысу. Она словно наслаждалась, прислушиваясь, как жизнь медленно покидает тело ее жестокого и коварного врага. Кот, быстро умертвив почти неспособного к сопротивлению крысеныша, сидел поодаль. Он внимательно наблюдал за этой сценкой и вылизывал свою пушистую шерсть.

Неподалеку от него лежала мертвая сестра, но он лишь обнюхал ее, не проявив при этом никаких эмоций. Она была для него уже вчерашним днем, эпизодом, который вскоре забудется.

Глава 7

Тинг

Издали дачный поселок напоминал сусальную картинку из жизни немецких бюргеров – двух- и трехэтажные коттеджи, красные черепичные крыши, готические башенки, кованые ворота, флюгеры, железные флажки... и чисто российские высоченные заборы, через которые не перелетишь и на сказочном ковре-самолете. Все это архитектурное великолепие располагалось на берегу удивительно (по нынешним временам) чистой речушки, похожей на темный и одновременно прозрачный хрусталь в окружении вековых сосен – так были тихи и безмятежны ее воды.

Тинг работал в бригаде строителей-украинцев, которые нанялись возводить хоромы новому русскому барину. Его взяли подсобным рабочим по чистой случайности. Бригада должна была насчитывать семь человек, но один из работяг попал в больницу с тяжелой травмой, поэтому бригадир пришел искать ему замену на центральный рынок, который одновременно был и рынком труда наемных строителей-шабашников. В народе это место называлось Жила.

Почему именно Жила, никто точно не знал. Возможно, потому, что толпящиеся здесь мужики рвали себе жилы на тяжелой шабашной работе, нередко плохо оплачиваемой и длящейся по шестнадцать часов в сутки.

Тинг смущенно стоял в сторонке, наблюдая за горячими спорами. В принципе, он был лишним среди этого столпотворения. Каких только национальностей не увидишь на задах большого рынка! Украинцы, таджики, азербайджанцы, грузины, молдаване... Все они были сбиты в бригады, поэтому надежда Тинга заработать на строительстве немного денег, чтобы хватило на жизнь, постепенно угасала. Незнакомый человек, к тому же не владеющий какой-нибудь дефицитной строительной специальностью, никому не был нужен.

Он уже хотел потихоньку дать задний ход, чтобы уйти и поискать работу в другом месте, но тут услышал голос сзади:

– Хлопец, ты свободен?

Тинг обернулся и увидел серьезного кряжистого мужика с обветренным загорелым лицом и вислыми усами. Судя по простой недорогой одежде, он не относился к классу хозяев, и Тинг, который робел при виде богатых господ, подъезжавших к Жиле на дорогих иномарках нанимать строителей, приободрился. Приветливо улыбнувшись (возможно, со стороны его улыбка могла показаться заискивающей), он ответил:

– Здравствуйте. Да... в общем, да, свободен.

– Ты кто: каменщик, плотник, маляр?..

– Как вам сказать... – Тинг замялся.

– Понял. Можешь не отвечать. Подсобным рабочим в бригаду пойдешь? Ты парень крепкий, сразу видно. Нам такие нужны.

– Пойду.

– А почему не спрашиваешь про оплату? – спросил мужик, закуривая. Тинг смущенно пожал плечами, будто извиняясь. – Ладно, ладно, не сумлевайся, не обидим. Сговоримся. Главное, нам жить есть где. Хозяин вагончик привез, так шо теперь у нас как в гостинице... ха-ха... Тебя как зовут?

– М-м... Андрей...

– А меня Миколай Павлович. Я бугор, то есть, бригадир. Документы у тебя имеются какие-нибудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.